

3211

327

ИНСТИТУТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
АН СССР

**К СОБЫТИЯМ
В КИТАЕ**

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА АН СССР

Б. ЗАНЕГИН, А. МИРОНОВ, Я. МИХАЙЛОВ

К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ

*Под редакцией
доктора экономических наук
профессора М. И. Сладковского*

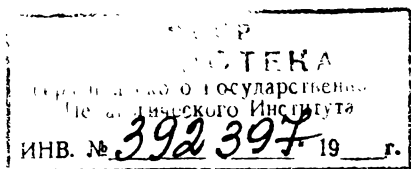

Издательство политической литературы
Москва • 1967

КИТАЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Попытка возродить мелкобуржуазно-авантюристический курс в экономике	9
Ставка на создание режима военно-бюрократической диктатуры	32
Новая фаза шовинистической, раскольнической политики	53

Занегин Б. и др.

К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ. Под ред. М. И. Сладковского.
М., Политиздат, 1967.

72 с. (Ин-т Дальнего Востока АН СССР).

Перед загл. авт.: Б. Занегин, А. Миронов, Я. Михайлов.

32И

Редактор Г. Фокина

Художник А. Кобрин

Художественный редактор Н. Симагин

Технический редактор А. Данилина

Сдано в набор 20 июня 1967 г. Подписано в печать 27 июля 1967 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2¹/₄. Условн. печ. л. 3,78. Учетно-изд.
л. 3,67. Тираж 150 тыс. экз. А 11823. Заказ № 533. Бумага № 2. Цена 8 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.

Развитие событий в Китае доказывает, что под флагом так называемой «культурной революции» Мао Цзэ-дун и его группа развернули наступление на Коммунистическую партию Китая, на существующий аппарат народной власти, на общественные организации.

В ходе «культурной революции» непосредственным объектом удара Мао Цзэ-дуна и его окружения стали руководящие органы КПК в центре и на местах, органы народной власти, избранные в соответствии с конституцией КНР, Коммунистический союз молодежи Китая, профсоюзы, женские организации и т. п.

При этом идет речь не об очередной «чистке» партии и органов народной власти, каких было немало в последнее десятилетие, и не об устранении отдельных неугодных лиц или групп руководителей. Речь идет о фронтальном наступлении на партию, результатом которого, по замыслу организаторов этой кампании, должны явиться организационно-политический разгром партии, ее ядра — кадров руководителей, ликвидация в массах идейно-политического влияния КПК, сложившихся за годы существования КНР руководящих органов партии и народной власти, дискредитация записанных в уставе КПК положений о роли партии, принципов ее организационно-политической деятельности.

Разгром партии и органов народной власти задумано осуществить в несколько этапов, обрушиваясь поочередно на центральные и местные организации с тем, чтобы расколоть партию и ее кадры, разбить их по частям.

В первые месяцы «культурной революции» (апрель — июль 1966 г.) были разгромлены: в центре — пекинский горком КПК, отдел пропаганды ЦК КПК, столичная и

центральная партийная печать, министерства культуры, просвещения и высшего образования; на местах — отделы пропаганды большинства провинциальных и городских комитетов КПК, контролируемые ими органы печати, парткомы и руководство вузов КНР. Одновременно объектом первых ударов стали творческие объединения, организации и наиболее известные и влиятельные деятели науки, искусства и культуры. Под прикрытием демагогических лозунгов — «полностью покончить со старой культурой, создать новую пролетарскую культуру», «свергнуть авторитеты», «разгромить кучку буржуазных и ревизионистских элементов, узурпировавших руководство в области идеологии и культуры» — в первые же месяцы «культурной революции» маоистская группировка терроризировала интеллигенцию и разгромила идеологические центры партии. Привлечение студентов и школьников для проведения «культурной революции» в вузах под лозунгами «громить, свергать, позорить и дискредитировать» партийное руководство и преподавателей было, по сути, «генеральной репетицией» развязывания хунвэйбинской стихии в масштабе всей страны.

В августе 1966 г., после XI пленума ЦК КПК, Мао Цзэ-дун и его группа перешли к широкому наступлению на партию. Несмотря на отсутствие на пленуме почти 50% членов и кандидатов в члены ЦК, под прямым нажимом Мао Цзэ-дуна и министра обороны Линь Бяо был изменен состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Вместо избранных ранее четырех заместителей председателя партии первым и единственным заместителем Мао Цзэ-дуна, его «ближайшим соратником» был объявлен министр обороны Линь Бяо.

Улицы городов Китая заполнили хунвэйбины, ставшие первым массовым орудием Мао Цзэ-дуна и его группы. Незрелую молодежь, главным образом школьников и студентов, не имеющую ни политического, ни жизненного опыта, годами обрабатывавшуюся в духе преданности Мао Цзэ-дуну, объявили «авангардом великой пролетарской культурной революции» и бросили против партии, ее руководящих органов под лозунгом «открыть огонь по штабам!».

По всей стране стали возникать так называемые «комитеты» и «группы» по делам «культурной революции». В решениях XI пленума они были названы «право-

мочным органом культурной революции» и фарисейски характеризовались как «самое лучшее звено между партией и массами». Однако уже их первые действия показали, что все эти «комитеты» и «группы» задуманы не для укрепления связей партии с массами, а, напротив, как средство полного устранения партии от участия в развертывавшихся событиях, как центры организации целенаправленного избиения партии.

Работа ЦК КПК была парализована. Высшим органом власти, присвоившим себе чрезвычайные полномочия, стала так называемая «группа по делам культурной революции при ЦК КПК», возглавленная Чэнь Бо-да, человеком, близким к Мао Цзэ-дуну, много лет бывшим его личным секретарем. Заместителем Чэнь Бо-да назначили жену Мао Цзэ-дуна — Цзян Цин, не занимавшую до этого никаких выборных постов в партии.

Со второй половины августа 1966 г. по всей стране началась разнузданная кампания сплошного разгрома руководящих органов коммунистической партии и народной власти, устранение, вплоть до убийства, партийных работников. План действий хунвэйбинов, объекты их ударов намечались эмиссарами Мао Цзэ-дуна и его группы. Избивали партийных работников, которые числились в «черных списках», составлявшихся в Пекине. За спиной хунвэйбинов, пока еще непосредственно не вмешиваясь в события, стояла армия. По указанию Линь Бяо она поставляла хунвэйбинам инструкторов, руководивших их военным обучением и созданием из хунвэйбиновских организаций подобия полувоенных формирований — своего рода штурмовых отрядов молодежи — в масштабе всей страны.

Массовые избиения, допросы под пытками, так называемые «митинги борьбы», проводившиеся в самом Пекине с участием членов «группы по делам культурной революции при ЦК КПК», сборища, на которые жертвы хунвэйбинов доставлялись с вывернутыми руками и переломанными ногами, показали, что указание Мао Цзэ-дуна «действовать словом, а не силой» было лишь демагогическим приемом, попыткой выдать террор, направленный против партийных масс, за действия «разбушевавшейся стихии».

В конце декабря 1966 г., когда произвол хунвэйбинов натолкнулся на возрастающую волну протестов и прямой

отпор китайских коммунистов, масс трудящихся, Мао Цзэ-дун и его группа попытались расширить свою опору и ввели в действие «второй эшелон» — новую организацию, названную ими «цзаофанями» — «смутьянами». В нее вовлекали хунвэйбинов старших возрастов, часть молодых рабочих и служащих, различные иные элементы, активно демонстрировавшие свою верность Мао Цзэ-дуну и его идеям.

В январе 1967 г. Мао Цзэ-дун и его окружение сделали попытку, опираясь на цзаофаней, перевести «культурную революцию» на следующий этап: был выдвинут призыв «распространить культурную революцию на производство», т. е. начать разгром партийных организаций фабрик, заводов и народных коммун, и почти одновременно лозунг «захватить власть по всей стране», т. е. окончательно добить руководящие органы партии и народной власти и на место разгромленного партийно-политического аппарата поставить «новые органы власти».

Попытки перенести «культурную революцию» на производство вызвали еще более резкий отпор трудящихся. Начались массовые забастовки рабочих в крупнейших промышленных центрах, выступления с требованиями удалить распоясавшихся «смутьянов» с фабрик и заводов, демонстрации в защиту органов партии и народной власти, выливавшиеся нередко в кровопролитные столкновения с цзаофанями. Крестьяне изгоняли цзаофаней из деревень. В среде самих цзаофаней возникли распри и соперничество в борьбе за влияние и власть. Даже контролируемая группировкой Мао Цзэ-дуна печать вынуждена признать, что в рядах «нового авангарда» — цзаофаней наблюдается «групповщина, индивидуализм, карьеризм, буржуазная и мелкобуржуазная идеология».

В этой обстановке в середине января 1967 г. Мао Цзэ-дун и его окружение, заявив, что стране якобы угрожает «контрреволюционный переворот», открыто призвали армию к непосредственному вмешательству в ход событий. Армейские гарнизоны получили распоряжение «оказать помощь в захвате власти по всей стране», другими словами, была сделана попытка на окончательный разгром органов партии и народной власти бросить армию.

В качестве образца для всех армейских гарнизонов объявили действия войск провинции Шаньси, захвативших в середине января власть в центре провинции —

городе Тайюань. Вслед за Шаньси армия «оказала помощь» группировке Мао Цзэ-дуна в установлении контроля над органами власти в Шанхае, в Циндао, в провинциях Хэйлунцзян, Фуцзянь и ряде других городов и провинций.

В течение короткого периода, в январе — феврале, «новые органы власти» формировались из ставленников армии и из цзаофаней. Однако рост сопротивления партийных организаций и трудящихся, дезорганизация и хаос, вызванные разгромом партийно-политического аппарата, некомпетентность ставленников армии и цзаофаней в вопросах производства и управления вынудили организаторов «культурной революции» в последние месяцы отказаться от политики сплошного избиения и прибегнуть к тактике привлечения части кадровых работников к деятельности новых органов власти.

Мао Цзэ-дун и его группа дали указание создавать «новые органы власти» из представителей «трех сторон» — армии, цзаофаней и части кадровых работников, отнесенных к «революционным» или к «совершившим ошибки, но стремящимся исправить их делом». Тем самым Мао Цзэ-дун стремится расколоть ряды партии, ослабить сопротивление и одновременно привлечь на свою сторону запуганные террором или карьеристские элементы.

Решающая роль среди «трех сторон» отводится армии. Группировка Мао Цзэ-дуна требует, чтобы «новые органы власти» взяли на себя «всю полноту партийной и государственной, финансовой и культурной власти». В действительности эта ссылка на «новые органы власти» призвана замаскировать курс маоистской группировки на установление военно-бюрократического контроля во всех областях жизни страны.

Армия берет на себя функции руководства и контроля над производством. Командование военных округов и гарнизонов отдает приказы промышленным предприятиям, народным коммунам и сельским «производственным бригадам». Важнейшие промышленные объекты во многих городах находятся под контролем войск. На стенах заводских корпусов вывешены объявления, грозящие военным трибуналом тем, кто покинет рабочее место, осмелится обсуждать действия руководства или критиковать армию. Воинские части направлены в деревню для

создания «групп» и «производственных командований» для руководства полевыми работами. Обстановка в Китае, был вынужден признать Чжоу Эн-лай, напоминает «обстановку 1949 г., когда осуществлялся военный контроль».

Однако «захват власти» по маоистскому образцу происходит отнюдь не гладко. К апрелю 1967 г. маоистская группировка смогла насадить силами армии «новые органы власти» лишь в провинциях Хэйлунцзян, Шаньдун, Шаньси и Гуйчжоу, а из крупных городов — лишь в Пекине и Шанхае. По оценке зарубежных наблюдателей, группировка Мао Цзэ-дун контролирует лишь 7—8 провинций из 28 провинций и автономных районов Китая.

С начала апреля Мао Цзэ-дун и его группа предприняли новые атаки на своих противников, в частности, поднялась новая волна нападков на Председателя КНР Лю Шао-ци, Генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяопина, члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Тао Чжу.

Какие причины вызвали нынешний поворот событий в Китае? Как могло случиться, что на 17-м году существования КНР Мао Цзэ-дун и его окружение, претендующие на роль «самых революционных революционеров», громят Коммунистическую партию Китая и органы народной власти, открыто порывают с марксизмом-ленинизмом и пролетарским интернационализмом?

Нынешние события — это продолжение, новая, острейшая фаза борьбы мелкобуржуазно-националистической группировки Мао Цзэ-дуна против здоровых сил в КПК, против влияния мирового коммунистического движения на развитие КНР и КПК.

Эта борьба в области экономической и идейно-политической, во внутренней и внешней политике Китая, борьба, уходящая корнями в историю КПК и китайской революции, в той или иной форме постоянно давала о себе знать во все периоды развития КНР.

Рассмотрение основных процессов, происходящих в области экономики, во внутренней и внешней политике КНР, позволяет уяснить истоки нынешнего курса Мао Цзэ-дуна и его группы, причины, содержание и цели так называемой «культурной революции».

ПОПЫТКА ВОЗРОДИТЬ МЕЛКОБУРЖУАЗНО-АВАНТЮРИСТИЧЕСКИЙ КУРС В ЭКОНОМИКЕ

Одной из основных причин, определивших нынешнее обострение политической борьбы в Китае, является попытка Мао Цзэ-дуна и его группы навязать Коммунистической партии Китая и китайскому народу свой мелкобуржуазно-националистический подход к проблемам социально-экономического развития страны. Во имя осуществления своих гегемонистских планов Мао Цзэ-дун и его группа идут на извращение и ревизию принципов научного социализма, стараются подчинить всю экономическую жизнь страны собственным шовинистическим целям и претензиям.

Мао Цзэ-дун и его группа, отбрасывая основной закон социализма, пытаются сдержать рост материальных и культурных потребностей общества. Отказавшись от сотрудничества с мировым социалистическим лагерем в борьбе против сил империализма, они бросают огромные средства на выполнение шовинистической военной программы, на поддержку раскольнической деятельности в международном коммунистическом и национально-освободительном движении и в то же время ведут наступление на жизненный уровень китайского народа.

Китайским трудящимся настойчиво внушается мысль о том, что они не должны стремиться к улучшению своей жизни. Им твердят, что желание повысить материальный уровень якобы неизбежно влечет за собой утрату «революционного духа», ведет к «буржуазному перерождению». Законные требования трудящихся объявляются «реакционным экономизмом», который якобы уводит их

в сторону от «столбовой дороги революции». Армейская газета «Цзефанцзюнь бао» в январе 1967 г. писала: «Экономизм и материальное стимулирование — товар контрреволюционного ревизионизма в подлинном смысле слова. От такого хлама решительно отказываются широкие революционные массы, вооруженные идеями Мао Цзэ-дуна».

Отрицая закон планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, Мао Цзэ-дун и его группа вновь выдвигают курс на «скачок». Отброшен в сторону третий пятилетний план, осуществление которого должно было начаться с 1966 г. Сама «культурная революция» рассматривается как идейно-политическая подготовка нового «большого скачка». Журнал «Хунци» в декабре 1966 г. писал: «Можно предсказать, что пробужденный великой пролетарской культурной революцией кипучий революционный энтузиазм... непременно проявится в борьбе за развитие промышленного и сельскохозяйственного производства и в научных экспериментах, что вызовет большой скачок народного хозяйства в Китае».

Группировка Мао Цзэ-дуна отвергает научный подход к экономике, использование экономических рычагов и материальных стимулов в руководстве народным хозяйством. Маоисты утверждают, что основной движущей силой экономического развития является «революционизированное сознание». В связи с этим раздаются настоячивые призывы «ставить политику на первое место». Причем под «политикой» понимается не что иное, как идеи Мао Цзэ-дуна. Народу внушают, что «любое конкретное дело можно решить, стоит лишь по-настоящему глубоко овладеть идеями Мао Цзэ-дуна».

Проповедники идей Мао Цзэ-дуна в своем рвении утвердить идеалистическую концепцию о том, что главной движущей силой в развитии материального производства является «дух», «идея», доходят до полного пренебрежения сферой материального производства, задачей создания материально-технической базы социализма. Один из ведущих деятелей так называемой «группы по делам культурной революции» при ЦК КПК Ци Бэнь-юй в ноябре 1966 г. заявил: «Советские ревизионисты усиленно занимались механизацией, и в результате Советский Союз стал ревизионистским. А мы выступаем за революционизацию плюс механизацию, причем не на рав-

ной основе, а на такой, когда революция руководит механизацией... Председатель Мао говорит, что командная роль принадлежит политике и революции, а не производству».

Волюнтаристская экономическая политика Мао Цзэ-дуна и его группы представляет собой полный отход от генеральной линии строительства социализма, выработанной Коммунистической партией Китая после победы народной революции; эта политика наносит удар по социалистическим завоеваниям китайского народа. История экономического развития КНР неопровержимо свидетельствует о том, что маоистский мелкобуржуазно-авантюристический подход к экономике не может принести ничего, кроме дезорганизации народного хозяйства и ухудшения материального положения трудящихся. Всем, чего достиг китайский народ за годы существования КНР, он обязан принципиально иной, основанной на реальности, на учете объективных законов строительства социализма, экономической политике.

После победы народной революции в Китае в 1949 г. перед Коммунистической партией Китая стояла задача мобилизации и организации широких народных масс на строительство социалистического общества. Решение этой задачи в экономически отсталой стране, бывшей полуколонии, с сильными пережитками феодализма, было сопряжено с большими объективными трудностями. Незрелость промышленности, особенно тяжелой¹, обусловила малочисленность и раздробленность рабочего класса. В деревне, где проживало подавляющее большинство населения Китая, господствовали мелкие хозяйства, базировавшиеся на ручном труде и примитивной технике и носившие, в большинстве своем, натуральный или полунатуральный характер. Экономика страны сильно пострадала от японской оккупации и гражданской войны.

Вместе с тем объективная международная обстановка складывалась благоприятно для китайского народа. При разработке путей перехода к социализму, в конкретной практике социалистического строительства Коммунистическая партия Китая могла опереться на опыт и под-

¹ До антияпонской войны на долю Китая приходилось всего 0,6% мировой добычи угля, 0,5% добычи железной руды, 0,35% выплавки чугуна, 0,22% производства меди.

держку КПСС, советского народа, всего социалистического содружества.

Сразу же после образования Китайской Народной Республики в 1949 г. в стране был создан государственный сектор экономики, основу которого составили предприятия компрадорской буржуазии и бывшая собственность японских и других иностранных монополий, реквизированная или выкупленная правительством КНР. В 1952 г. в основном завершилось проведение аграрной реформы, в результате которой был ликвидирован класс помещиков, и 47 млн. га, или примерно половина всего пахотного фонда, были поделены между 300 млн. крестьян. Крестьян освободили от выплаты земельной ренты помещикам, достигавшей 30 млн. т зерна, т. е. почти четверти всего сбора. К концу 1952 г. в основном завершилось восстановление народного хозяйства. Производство подавляющего большинства видов промышленной и сельскохозяйственной продукции превысило максимальный довоенный уровень. Но страна оставалась в экономическом отношении еще очень отсталой: большая часть продукции народного хозяйства — 72% — приходилась на долю единоличного сектора, удельный вес государственного сектора составлял только 19%, капиталистического — около 7%, кооперативного — 1,5% и смешанного — 0,7%.

В конце 1953 г. была сформулирована генеральная линия Коммунистической партии Китая в социалистическом строительстве. В тезисах о пропаганде генеральной линии, утвержденных ЦК КПК и основанных на решениях II пленума ЦК КПК (март 1949 г.), в качестве основных задач переходного периода указывались социалистическая индустриализация и социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности, частнокапиталистической промышленности и торговли. Процесс социалистической индустриализации предполагалось завершить в основном в течение трех пятилеток, т. е. к 1967 г. В первой пятилетке (1953—1957 гг.) намечалось создать основы современной промышленности. К 1957 г. предполагалось охватить сельскохозяйственными производственными кооперативами около 20% крестьянских дворов. Эти основные задачи переходного периода были закреплены в Конституции КНР, принятой 1-й сессией Всекитайского собрания народных представителей в 1954 г.

В июле 1955 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР. Важнейшие задачи первой пятилетки состояли в «создании первичной базы индустриализации страны... создании первичной базы для социалистического преобразования сельского хозяйства и кустарной промышленности путем развития сельскохозяйственных производственных кооперативов, основанных на частичной коллективной собственности, а также производственных кооперативов кустарей, создании базы для социалистического преобразования частной промышленности и торговли путем перевода капиталистической промышленности и торговли в основном на рельсы различного по форме госкапитализма».

За годы первой пятилетки был сделан крупный шаг в развитии современной промышленности, прежде всего в развитии производства средств производства. Объем валовой продукции промышленности увеличился более чем вдвое, причем особенно возрос выпуск стали (почти в 4 раза), чугуна (в 3 раза), нефти (в 3,3 раза), минеральных удобрений (в 3,5 раза), электроэнергии (в 2,6 раза). К 1957 г. удельный вес промышленности в валовой продукции народного хозяйства возрос до 56,5% (против 41,5% в 1952 г.), в том числе современной и мануфактурной промышленности — до 46,9% (против 32,7%). В промышленной продукции удельный вес средств производства увеличился с 35,6% в 1952 г. до 48,4% в 1957 г. В течение первой пятилетки были созданы такие новые для страны отрасли промышленности, как автомобилестроение, самолетостроение, радиотехническая промышленность.

Большую помощь Китаю в развитии промышленности оказал СССР. Из 24,8 млрд. юаней, вложенных за 1953—1957 гг. в капитальное строительство в промышленности, 11 млрд. юаней приходилось на долю объектов, строившихся с помощью Советского Союза. Многие из объектов, строительство которых началось в первую пятилетку, продолжали вводиться в строй в последующие годы. СССР помог Китаю создать важнейшие современные отрасли промышленности.

Китайские руководители и печать в свое время высоко оценивали значение помощи Советского Союза и

других социалистических стран для экономического строительства в Китае. 28 сентября 1959 г. газета «Жэньминь жибао» писала: «...Техническая помощь, предоставляемая нам странами социалистического лагеря во главе с Советским Союзом, явилась важнейшим условием сравнительно быстрого развития дела социалистического строительства в нашей стране. Техническая помощь, предоставляемая нам Советским Союзом, братскими странами Восточной Европы, оказывалась нам в соответствии с духом интернационализма. Один из важнейших моментов ее заключается в том, что братские страны помогли нам спроектировать и построить около 400 промышленных объектов. К концу 1958 г. 190 из этих объектов были закончены строительством и частично сданы в эксплуатацию. Другим важным моментом ее является научно-техническая помощь. За 9 лет наша страна получила из Советского Союза и братских стран Восточной Европы свыше 5 тыс. комплектов документации, освещающей их научно-технические достижения и производственный опыт. Наибольшее количество материалов было передано нам Советским Союзом. В годы первой пятилетки Советский Союз помог нам в строительстве 188 крупных промышленных объектов, которые явились основой промышленного строительства в нашей стране в тот период. Среди этих объектов — металлургические комбинаты в Аньшане, Ухани и Баоту, 1-й автомобильный завод в Чанчуне, завод паровых турбин в Харбине, завод нефтеперегонного оборудования в Ланьчжоу, 1-й тракторный завод в Лояне и другие машиностроительные заводы. Кроме того, с помощью СССР было построено много предприятий таких отраслей промышленности, как цветная металлургия, угольная и нефтяная промышленность, энергетика, химия, авиационная промышленность, связь и т. д., большая часть которых является новыми для Китая».

Определенных успехов достигло и сельское хозяйство. Валовая продукция сельского хозяйства за годы первой пятилетки увеличилась на 24,7%. Однако рост сельскохозяйственной продукции не был стабильным. По валовому сбору ряда культур, а также по производству зерна на душу населения к концу пятилетки не был достигнут максимальный довоенный уровень. Сельское хозяйство продолжало страдать от стихийных бедствий.

Слабой оставалась материально-техническая база сельского хозяйства: к концу пятилетки в сельском хозяйстве работало всего 25 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные), на 1 га пашни применялось менее 4 кг минеральных удобрений, потребление электроэнергии в сельском хозяйстве не превышало 76 млн. квт-ч. Для перевода сельского хозяйства на современную индустриальную основу, развития химизации, механизации и электрификации сельского хозяйства требовались крупные капиталовложения в промышленность, обслуживающую сельское хозяйство. Однако в первой пятилетке объем этих капиталовложений был недостаточным.

В 1955—1956 гг. Мао Цзэ-дун и его группа сделали попытку искусственно форсировать ход экономического строительства.

В 1955 г. Мао Цзэ-дун потребовал резко ускорить темпы кооперирования сельского хозяйства, отбрасывая ленинские указания об осторожном подходе к кооперированию крестьянства, о том, что процесс кооперирования должен сочетаться с развитием материально-технической базы сельского хозяйства. Навязывая партии план ускоренного кооперирования, Мао Цзэ-дун ссылаясь на «особые условия» Китая. Он объявил неприемлемым для Китая опыт Советского Союза и других социалистических стран и клеймил «правыми» тех, кто выступал за постепенность кооперирования, за необходимость учитывать опыт СССР.

За несколько месяцев осенне-зимнего сезона 1955—1956 гг. было проведено сплошное кооперирование деревни. К лету 1956 г. в кооперативах насчитывалось 92% крестьянских дворов.

Таким образом, под давлением Мао Цзэ-дуна и его группы кооперирование деревни, которое по первоначальным планам должно было закончиться только к 1967 г., было проведено задолго до того, как промышленность получила возможность в достатке снабжать сельское хозяйство машинами, химическими удобрениями и другими орудиями и средствами производства. Не имея технической базы, кооперативы по-прежнему основывались на применении ручного труда и примитивных орудий. Это обстоятельство ограничивало возможности повышения продуктивности и производительности труда в сельском хозяйстве.

В 1956 г. курс на форсирование темпов развития был навязан и промышленности.

Промышленное производство в 1956 г. увеличилось на 28%. Однако возрастание темпов роста выпуска промышленной продукции по сравнению со средними за пятилетку было связано не столько с увеличением производительности труда и вводом новых мощностей, сколько с расширением масштабов использования живого труда в промышленности, с набором дополнительной рабочей силы. Это привело к массовому притоку сельских жителей в города, к перерасходу фонда заработной платы и материальных ресурсов. Негативные последствия «скачка» 1956 г. в промышленности значительно превысили положительные результаты.

Таким образом, еще в 1955—1956 гг. обнаружилась порочность идеи Мао Цзэ-дуна о том, что высоких темпов развития экономики можно добиться на примитивной технической базе, без повышения производительности труда и квалификации рабочей силы, путем лишь более интенсивного ее использования.

В первой пятилетке были проведены, также досрочно, кооперирование кустарной промышленности и перевод частнокапиталистической промышленности и торговли на рельсы государственного капитализма. К концу июня 1956 г. капиталистическая промышленность на 99% по стоимости продукции и на 98% по количеству занятых была преобразована в государственно-частную. При этом, однако, по отношению к капиталистам поступили значительно более щедро, чем по отношению к крестьянам. Если земля, принадлежавшая крестьянам, перешла в собственность кооперативов без всякой компенсации, то бывшие владельцы заводов, фабрик, магазинов стали получать ежегодно в качестве вознаграждения сумму, составляющую 5% с основного капитала. Первоначально было объявлено, что выплата процентов с капитала будет продолжаться 7 лет, т. е. до 1962 г., однако она не прекращена и по сей день.

Состоявшийся в сентябре 1956 г. VIII съезд Коммунистической партии Китая наметил директивы по второму пятилетнему плану. Эти директивы базировались на реальных достижениях первой пятилетки и предусматривали дальнейшее развитие всех отраслей народ-

ного хозяйства КНР при преимущественном росте производства средств производства.

Однако прошло всего лишь полтора года после VIII съезда КПК, и второй пятилетний план был фактически аннулирован, а вместо него выдвинуты волюнтаристские, лишенные какого-либо научного обоснования, фантастические проекты. Это была получившая печальную известность в Китае и за рубежом политика «большого скачка». Путем «большого скачка» Мао Цзэ-дун пытался опередить в социально-экономическом развитии Советский Союз и, таким образом, подкрепить свои претензии на роль вождя мирового коммунистического движения.

Мао Цзэ-дун утверждал, что в промышленности и сельском хозяйстве для резкого увеличения количества производимой продукции следует опираться в первую очередь на простейшие методы, не требующие серьезной материально-технической базы и высокой квалификации рабочей силы. Таким образом, и теперь ставка делалась не на повышение производительности труда, а на массовое вовлечение в производство работников, не вооруженных опытом, знаниями и техникой, на расширение масштабов использования живого труда. Формально был брошен призыв сочетать «современные» или «иностранные» методы производства («ян») с «местными» или «национальными» («ту»), однако на деле последним придавалось решающее значение в достижении намеченных целей. Китайский народ призывали «отбросить мистику», «ниспровергнуть авторитеты», «идти своим путем». За всем этим стояла цель — добиться беспрецедентно высоких темпов, продемонстрировать всему миру мнимые преимущества «маоистского пути строительства социализма».

В ходе «большого скачка» познание и использование экономических законов строительства социализма, закономерность и пропорциональность развития экономики подменялись административно-политическим произволом. Сложнейшие проблемы социально-экономического развития Мао Цзэ-дун и его группа пытались решить не исходя из анализа объективных данных, а руководствуясь «волей вождя», путем партизанских наскоков.

В 1958 г. Мао Цзэ-дун выдвинул волюнтаристский тезис об ускоренном построении в Китае коммунистиче-

ского общества в течение трех лет. Было принято решение увеличить объем валовой продукции промышленности и сельского хозяйства за пятилетие (1958—1962 гг.) не на 75%, как предусматривалось в директивах первой сессии VIII съезда КПК, а в 4,6 раза, в том числе промышленности — в 6,4 раза (вместо двукратного увеличения по первому варианту). Производство стали должно было к 1962 г. возрасти в 15—18 раз, алюминия — в 33 раза, энергетического оборудования — более чем в 20 раз. Главной движущей силой «большого скачка» в коммунизм, по замыслу Мао Цзэ-дуна, должна была стать «освобожденная духовная энергия» народных масс. Однако творческая энергия китайского народа была направлена по ложному пути, который не мог не завести экономику КНР в тупик.

В области промышленности вместо планомерного и систематического наращивания всего промышленного комплекса был сделан упор на одну отрасль — черную металлургию. Была поставлена фантастическая цель — увеличить выплавку стали с 5 млн. т в 1957 г. до 80—100 млн. т к 1962 г. Черную металлургию объявили «сетью», с помощью которой якобы можно «вытащить» все прочие отрасли промышленности. Капиталовложения в черную металлургию за один лишь 1958 г. составили 3,8 млрд. юаней, или 22% всех инвестиций в промышленное строительство за этот год (тогда как за всю первую пятилетку капиталовложения в черную металлургию не превысили 3 млрд. юаней). При этом капиталовложения не были сконцентрированы на строительстве наиболее важных объектов, а распылены по множеству строек, что приводило к замораживанию средств. В феврале 1959 г. сообщалось, что строится более 100 только крупных и средних металлургических предприятий в самых различных районах страны. Кроме того, был брошен призыв к повсеместному созданию так называемых предприятий «малой металлургии». В течение лета и осени 1958 г. в Китае построили более 1 млн. мелких чугуноплавильных и сталеплавильных печей, на которых работало свыше 50 млн. человек. Примерно такое же количество людей было занято на доставке руды и угля к печам. К концу 1958 г. число мелких домниц и примитивных сталеплавильных печей достигло 2 млн.

В ходе так называемого «всенародного движения за

сталь» очень быстро обнаружили крупнейшие просчеты его организаторов. Малые печи давали продукцию очень низкого качества и были крайне неэкономичными; соответственно себестоимость выпускаемой ими продукции оказалась намного большей, чем предприятий современного типа. Массовая кампания за «малую металлургию» отвлекла миллионы людей от производительного и более эффективного труда в других отраслях экономики, и в частности в сельском хозяйстве, что не могло не нанести большого ущерба народному хозяйству в целом. Упор на повсеместное развитие металлургических предприятий, без учета местных сырьевых и энергетических возможностей, намного увеличил объем перевозок железной руды и угля, вызвал большие затруднения в работе транспорта. Наконец, форсирование выпуска чугуна и стали привело к возникновению новых и обострению старых внутриотраслевых и межотраслевых диспропорций (развитие сырьевой базы черной металлургии не поспевало за ростом мощностей по производству металла, рост прокатных мощностей отставал от выпуска стали, машиностроение не успевало перерабатывать стальную продукцию).

Увеличить выпуск промышленной продукции пытались путем нарушения технологии, превышения допустимых пределов использования производственных мощностей, игнорирования научно обоснованных рекомендаций. В этой связи в очень тяжелом положении оказался большой коллектив советских специалистов, работавших в различных отраслях промышленности КНР. Предложения, советы, рекомендации советских специалистов отвергались как якобы «консервативные», «не учитывавшие революционного духа масс» и т. п. В то же время вину за неполадки, неизбежно вытекавшие из нарушения технологического режима и приводившие даже к человеческим жертвам, пытались свалить на советских работников. В этих условиях правительство СССР приняло решение отозвать их из Китая.

Основной формой мобилизации народа на «большой скачок» в области сельского хозяйства стали так называемые народные коммуны. Они преподносились как первичная ячейка социалистического общества и наилучшая организационная форма перехода к коммунизму. Было объявлено, что в коммунах уничтожаются

«последние пережитки частной собственности», под которыми понималось не что иное, как приусадебные участки, земля под строениями, домашний скот, сады и деревья, передававшиеся в коллективную собственность коммун. При этом предполагалось, что в течение 3—6 лет коллективная собственность коммун должна превратиться во всенародную собственность, а сами коммуны — стать неким подобием государственных предприятий.

В коммунах был отброшен принцип хозрасчета и такой важный стимул повышения производительности труда, как принцип материальной заинтересованности. От оплаты по трудодням, практиковавшейся в производственных кооперативах, коммуны перешли к системе, при которой лишь часть доходов (обычно 40—50%) выплачивалась в виде заработной платы, тогда как другая часть реализовывалась в виде так называемого «бесплатного» обеспечения продовольствием (а в некоторых случаях — также одеждой и услугами). «Бесплатное снабжение», которое охватывало не только работающих, но и членов их семей, рассматривалось как переход к коммунистическому принципу распределения по потребностям, хотя в условиях низкого уровня сельскохозяйственного производства оно не могло быть ничем иным, как замаскированной формой нормирования продуктов. Роль заработной платы как стимула повышения производительности труда и качества продукции подрывалась не только относительно низким удельным весом ее в доходах крестьян, но также нечеткой дифференцированностью и сложностью системы тарифных ставок, которая основывалась не столько на квалификации того или иного работника, сколько на таких категориях, как, например, уровень политической сознательности, и т. п. Таким образом, дело свелось фактически к уравниловке в распределении, результатом которой не могло не явиться снижение заинтересованности крестьян в результатах своего труда. Кроме того, «бесплатное снабжение» строилось без учета продовольственных ресурсов и привело к перерасходу зерна и других продуктов питания.

В сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, Мао Цзэ-дун выступил в качестве «первооткрывателя» методов, которые якобы давали возможность по-

высить продуктивность сельского хозяйства без применения технических и химических средств. В 1958 г. Мао Цзэ-дун выдвинул так называемую «конституцию 8 иероглифов». Эта «конституция» предусматривала повсеместное проведение так называемой «сверхглубокой пахоты» и «загущенного сева». Оба эти мероприятия не имели ничего общего с приемами, апробированными китайской и мировой сельскохозяйственной практикой и агрономической наукой. Крестьянам предлагалось вспахивать (а фактически перекапывать мотыгами и лопатами) почву на глубину до 1 м и более, исходя из умозрительного предположения, что чем больше глубина обработки почвы, тем выше должна быть урожайность сельскохозяйственных культур. «Глубокая пахота» рассматривалась как важнейшая часть «революционного преобразования методов обработки почвы». 18 ноября 1958 г. агентство Синьхуа сообщало: «В провинции Шаньдун миллионы крестьян совершают революционный переворот в обработке почвы. Вскрывая потенциальные возможности почвы, они вспахивают ее в этом году на глубину 0,65—1,65 м». В Шаньдуне в 1958 г. такие работы велись на 3 млн. га. Однако гигантские усилия крестьянства, последовавшего рекомендациям руководства и включившегося в кампанию «глубокой пахоты», не дали никакого увеличения урожая.

Столь же бесплодным было и применение метода «загущенного сева», отвергавшего как «консервативные» общепринятые нормы высева семян и пересадки рассады. При этом методе затруднялся доступ воздуха и нормальное освещение посевов, что способствовало не росту, а падению урожайности.

Единственным результатом волюнтаристских экспериментов, проводившихся в чрезвычайно широких масштабах, было многократное увеличение объема сельскохозяйственных работ, физическая и моральная усталость крестьян, их растущее недоверие к директивам руководства, столь очевидно обнаружившего свою полную некомпетентность в элементарных агротехнических вопросах.

Ни одно из нововведений в агротехнику не рассматривалось с точки зрения его экономической эффективности. Напротив, любая, даже самая робкая, такая попытка встречалась с неодобрением и рассматривалась

как проявление консерватизма, неверия в «безграничные творческие возможности широких народных масс».

В ходе организации народных коммун Мао Цзэ-дун попытался осуществить свою реакционно-утопическую идею о соединении разнообразных производственных функций в одной ячейке общества и даже в лице каждого отдельного производителя. Был выдвинут тезис о том, что каждый член коммуны должен быть одновременно «крестьянином, рабочим, солдатом, торговцем и учащимся».

Народным коммуна предписали заниматься наряду с сельским хозяйством также промышленностью. Их обязали не только взять на себя столь сложную задачу, как обеспечение сельского хозяйства орудиями и средствами производства, но и способствовать индустриализации страны. Кроме того, коммуны должны были удовлетворять нужды крестьян в потребительских товарах промышленного производства.

Практическое осуществление этих установок привело к возникновению на селе множества мелких и мельчайших предприятий, крайне примитивно оборудованных и основанных на ручном труде. Ни по качеству, ни, тем более, по себестоимости продукции, а также по производительности труда такие предприятия, естественно, не могли отвечать современным промышленным стандартам¹.

Образование народных коммун серьезно затормозило процесс развития и углубления территориального разделения труда в сельском хозяйстве. Прежний курс на развитие специализации на базе многоотраслевого хозяйства был, по существу, подменен установкой на универсальность каждой отдельно взятой коммуны.

¹ В одной из показательных народных коммун «Вэйсин» (уезд Суйпин, провинция Хэнань) в 1958 г. было создано 1142 предприятия с исключительно широким ассортиментом продукции, включавшим сельскохозяйственный инвентарь, огнеупорный кирпич, цемент, известь, удобрения, бумагу, глиняные изделия, фаянсовую посуду, одежду, растительное масло, вино и т. д. На этих предприятиях было занято 7 тыс. человек (по одному человеку почти с каждого крестьянского двора, входящего в коммуну). Таким образом, в среднем на одном предприятии было занято по 6—7 человек. Кроме того, около 3 тыс. человек в коммуне было послано на разработки железной руды. В 1959 г. эта народная коммуна намеревалась выпустить свой первый трактор.

Была сделана попытка свести к минимуму связи между хозяйствами. Фактически речь шла о том, чтобы на новом уровне вернуться к натуральному хозяйству, искусственно снизив роль товарно-денежных отношений.

Политика «большого скачка», в ходе которого маоистское руководство пыталось, пренебрегая объективными экономическими законами, перескочить через необходимые этапы социалистического строительства, вызвала глубокое расстройство всего народного хозяйства, не преодоленное полностью и сейчас, девять лет спустя, породила у значительной части народа и партии настроения апатии, неверия в перспективы социализма в Китае.

После 1959 г. наступил резкий спад производства. К 1962 г. валовая продукция промышленности сократилась по сравнению с 1959 г. на 46%, износились и разрушились основные производственные фонды в промышленности, обострились внутриотраслевые и межотраслевые диспропорции. Еще более тяжелым оказалось положение в сельском хозяйстве. После наиболее высокого в истории страны урожая зерна 1958 г. (официальные данные — 250 млн. т, более скромные, но все же достаточно высокие оценки экспертов — 200—220 млн. т), сборы его стали из года в год сокращаться. Урожай 1959 г. оценивался примерно в 200 млн. т, 1960 г. — в 180—185 млн. т, а 1961 г. — всего в 165—170 млн. т. Другими словами, за три года валовое производство зерна упало ниже среднего уровня первой пятилетки. При ежегодном приросте населения в среднем на 13—14 млн. человек это означало, что производство зерна на душу населения сократилось до 235—240 кг, или на 15% по сравнению со средним уровнем первой пятилетки. Повидимому, определенную роль в сокращении сельскохозяйственного производства сыграли также стихийные бедствия, но все же наибольший ущерб нанесла порочная экономическая политика Мао Цзэ-дуна и его группы.

Отход от генеральной линии в экономическом строительстве, за последствия которого расплачиваются широкие народные массы, стал одной из главных причин появления среди китайских коммунистов сомнений в непогрешимости курса, проводимого руководящей группой КПК во главе с Мао Цзэ-дуном. По мере того, как ста-

новился очевидным глубокий ущерб, причиненный народному хозяйству страны ошибочной экономической политикой, в рядах Коммунистической партии Китая нарастала волна недовольства.

Начиная с момента, когда обозначились первые признаки провала «большого скачка», вопросы экономической политики стали стержнем острой борьбы в КПК, в центре и на местах. В августе 1959 г. на Лушаньском пленуме ЦК КПК группа видных деятелей партии обвинила Мао Цзэ-дуна в авантюризме, в безрассудном растрачивании энергии народа. В то время Мао Цзэ-дуну и его группировке удалось отстоять свои позиции, изолировать и устранить противников. Однако позже, оказавшись фактически перед лицом катастрофы в сельском хозяйстве, доведя китайский народ до грани голода, Мао Цзэ-дун был вынужден отступить.

В начале 1961 г. IX пленум ЦК КПК принял новый экономический курс, получивший наименование курса «на урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Основное содержание этого курса заключалось в резком сокращении объема капитального строительства, в закрытии многих предприятий, построенных в 1958—1960 гг. без серьезных технико-экономических обоснований, в сокращении городского населения и численности рабочих и кадровых работников, занятых в промышленности, и в отправке их в деревню, в запрещении на три года набора рабочих из сельской местности, в переключении большей части промышленных предприятий на выпуск продукции, необходимой сельскому хозяйству, и т. п.

В деревне к этому времени полностью развалились нежизнеспособные гигантские народные коммуны. Крах народных коммун был молча признан, и за ними сохранили, главным образом, лишь функции местных органов власти. Основными хозрасчетными единицами в деревне стали производственные бригады, которые, объединяя в среднем по 30—40 дворов, по своим размерам уступают прежним кооперативам. Крестьянам вернули отобранные у них при организации коммун приусадебные участки, часть скота и орудий труда. Прекратилось так называемое «бесплатное обеспечение» крестьян продовольствием и некоторыми видами услуг, введение которого послужило одной из главных причин снижения

заинтересованности крестьян в результатах труда и производственной активности в деревне. Частично были восстановлены принципы хозрасчета и материальной заинтересованности.

Принятие курса на «урегулирование» позволило несколько выправить положение в народном хозяйстве, предотвратить дальнейший развал экономики страны. Путем больших усилий удалось восстановить производство в некоторых отраслях промышленности. Так, например, увеличилась добыча нефти, выпуск минеральных удобрений, производство электроэнергии, цемента. Стало восстанавливаться подорванное в период «большого скачка» и народных коммун личное хозяйство крестьян. Несмотря на сравнительно скромные размеры приусадебных участков, занимающих не более 5—7% всей обрабатываемой площади, они дают основную массу овощей, фруктов, яиц, птицы, свинины. Это дало возможность улучшить снабжение населения продовольствием.

Вместе с тем меры по «урегулированию» не могли целиком восполнить тот урон, который причинил экономике Китая «большой скачок». Оставались нерешенными многие коренные задачи строительства социализма в Китае, намеченные генеральной линией, в первую очередь задачи индустриализации страны и создания прочной материально-технической базы сельского хозяйства.

В Китае в последние годы не публикуются статистические данные по народному хозяйству: от населения пытаются скрыть истинную картину состояния экономики. Однако, по оценкам экспертов, в 1965 г. — последнем году периода «урегулирования» — валовая продукция промышленности была на 26% ниже уровня 1959 г. Многие промышленные предприятия работают с недогрузкой производственных мощностей. Особенно отстают горнодобывающая и топливная промышленность, черная металлургия.

Сельское хозяйство Китая по-прежнему основано преимущественно на ручном труде. В сельском хозяйстве насчитывается всего лишь около 100 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), тогда как минимальная потребность 1,2—1,5 млн. штук. Машинами обрабатывается не более 10% всей пахотной площади, главным образом, в армейских хозяйствах. Слабая техническая вооружен-

писть не позволяет повысить производительность труда. Страна не избавлена от угрозы стихийных бедствий в связи с тем, что заброшены крупные проекты ирригационного строительства в бассейне Хуанхэ и других рек.

Низкая продуктивность сельского хозяйства — следствие не только недостаточной механизации и химизации (на 1 га пашни в Китае вносится минеральных удобрений в десятки раз меньше, чем в развитых капиталистических странах), не только того, что далеко не полностью используются возможности развития ирригации (с помощью механической энергии орошается только 7% пахотного фонда), но и результат слабой заинтересованности крестьян в результатах своего труда. Отказавшись от наиболее вопиющих нарушений экономических законов в сельском хозяйстве, руководство КНР далеко не полностью восстановило принцип материальной заинтересованности крестьян: большая часть доходов распределяется по едокам. Кроме того, очень трудно восстановить былой энтузиазм трудящегося крестьянства, его доверие к политике руководства, подорванные авантюристической политикой периода «большого скачка».

Общественный сектор сельского хозяйства переживает большие трудности. Сбор зерна в последние годы едва достигает уровня 1957 г. (180—185 млн. т). В результате ежегодное производство зерна на душу населения в КНР на 12% меньше, чем в среднем за первую пятилетку, и на 20% ниже, чем до антияпонской войны. Валовой сбор зерна значительно ниже уровня, который, согласно проекту второго пятилетнего плана, выдвинутого VIII съездом КПК в 1956 г., намечалось достигнуть еще в 1962 г. (250 млн. т), и далеко отстает от рубежа, намеченного двенадцатилетним планом развития сельского хозяйства на 1967 г. (350—360 млн. т). В стране осуществляется жесткое нормирование продовольственного зерна. Ежегодно с конца 1960 г. Китай закупает за границей в среднем 5—6 млн. т зерна, что составляет около 30% всей стоимости импорта страны. Необходимость импортировать зерно существенно ограничивает для Китая возможность закупок за границей крайне необходимых ему промышленных материалов и оборудования.

Аналогичное положение сложилось и в производстве технических культур. По большинству их валовой

сбор не достиг среднего уровня 1953—1957 гг. Из-за нехватки сырья с хронической недогрузкой работает ряд отраслей легкой и пищевой промышленности. Кроме того, значительно сократился традиционный экспорт сельскохозяйственного сырья. Недостающее сырье для хлопчатобумажной промышленности Китая приходится закупать за границей (в первой пятилетке стране удавалось обеспечить хлопчатобумажную промышленность отечественным сырьем, не прибегая к импорту).

Таким образом, сельское хозяйство Китая далеко еще не преодолело отрицательных последствий авантюристической политики в деревне, которая нашла наиболее яркое выражение в годы «большого скачка».

Для выполнения программы индустриализации и материально-технического перевооружения сельского хозяйства требуются крупные капиталовложения. Однако недооценка экономических рычагов руководства народным хозяйством существенно снижает возможности увеличения накоплений. Кроме того, большие средства, материальные ресурсы и лучшие научно-технические кадры отвлекаются на гонку вооружений, на создание ракетно-ядерного арсенала.

В последние годы китайское руководство пошло на переориентацию своей внешней торговли. Резко сократив экономические связи с социалистическими странами, оно поставило Китай в зависимость от капиталистических стран, которые извлекают из этого не только экономические, но и политические выгоды. Товарооборот КНР с социалистическими странами с 1959 по 1965 г. сократился в 3 раза, упав с 3 до 1 млрд. рублей.

В то же время в 1966 г. доля торговли с капиталистическими странами составила 75% всего внешнеторгового оборота КНР против 34,9% в 1957 г. КНР теперь почти полностью зависит от поставок из капиталистических стран не только промышленного оборудования, но и продовольственного зерна.

Со своей стороны правительство КНР продает монополиям империалистических государств товары стратегического значения (вольфрамовая руда, олово, тунговое масло и др.), которые в условиях разделения мира на два лагеря неизбежно используются империалистами в подготовке войны против стран социализма.

Для того чтобы обосновать изменение в основном

направлении внешнеэкономических связей, была выдвигнута теория «опоры на собственные силы». Порочность ее состоит не в том, что она ориентирует экономическое развитие страны преимущественно на использование внутренних источников накоплений — такой путь давно используется Советским Союзом и другими социалистическими странами, а в том, что основная цель этой теории — оторвать Китай от социалистического содружества. В современных условиях ни одна страна не может успешно развивать свое хозяйство без участия в международном разделении труда. Вопрос состоит в том, где лежит центр тяжести экономических связей — в социалистической системе международного разделения труда или в капиталистической. Выбрав капиталистические страны в качестве главных партнеров Китая во внешнеэкономических сношениях, руководство КНР отказалось от наиболее благоприятных, равноправных условий братского сотрудничества с социалистическими странами.

Отказавшись от сотрудничества со странами социализма, Китай вынужден самостоятельно осваивать очень широкий ассортимент промышленной продукции, необходимой его народному хозяйству. Естественно, что, не имея нужного опыта и соответствующих кадров, промышленность КНР сравнительно медленно справляется с этой задачей. Многие из тех видов продукции, которую Китаю удалось освоить, выпускаются малыми сериями и обходятся весьма дорого. Кроме того, осуществляя политику «опоры на собственные силы», Китаю приходится выделять большие средства на опытно-конструкторские разработки, причем то, что внедряется в производство, далеко не всегда представляет собой последнее слово современной науки и техники.

Все эти острые и сложные проблемы требовали и требуют настойчивого поиска и разработки наиболее целесообразных и рациональных подходов к их разрешению. Поэтому в годы «урегулирования» вновь обострилась борьба по вопросу о целях и задачах экономического развития, о принципах и методах руководства народным хозяйством.

Сторонники трезвого подхода к экономике старались закрепить и развить положительные стороны политики «урегулирования». Они стремились к осуществлению на-

учных методов хозяйствования, понимая необходимость использования экономических рычагов в руководстве народным хозяйством, материальных стимулов для увеличения количества и повышения качества продукции.

В период «урегулирования» на страницах научных журналов велись дискуссии по вопросам организации и развития социалистической экономики. Несмотря на то, что эти дискуссии носили в большинстве случаев сугубо теоретический характер, внимательный читатель угадывал за ними острый спор по самым актуальным экономическим проблемам Китая. «Обвинения», предъявленные в ходе «культурной революции» группировкой Мао Цзэ-дуна многим видным государственным деятелям и экономистам, еще яснее показали, какая острая борьба по вопросам экономической политики разворачивалась в период «урегулирования».

В августе 1966 г. маоистская пропаганда обрушилась на видного китайского ученого-экономиста, директора Института экономики Академии наук Китая Сунь Е-фана за то, что он критиковал политику «большого скачка» и народных коммун, отстаивал необходимость учета экономических законов строительства социализма. Газета «Дагунбао» писала, что Сунь Е-фан «выступал с бешеными нападками на большой скачок, на народные коммуны, на лозунг «политика — командная сила», на «приоритет идеологии», распространял абсурдные идеи о прибыли — командной силе, деньгах — командной силе, самоуправлении предприятий». Сунь Е-фан критиковал идеи Мао Цзэ-дуна как шовинистические, писал, что «крах 1958 г. породил неразбериху», что «в прошлом при создании народных коммун лихорадочно шли напролом, впадали в субъективно-идеалистические ошибки», что в Китае заняла господствующее положение идея натурального хозяйства, что разговоры о политике и линии масс подменяют экономику, а лозунг «политика — командная сила» — объективные экономические законы. Ученый выступал против уравниловки, за социалистический принцип распределения по труду, за учет законов стоимости и экономии времени в социалистической экономике, за использование в плановом хозяйстве таких рычагов, как цена, прибыль и материальное стимулирование, за хозяйственную самостоятельность предприятий при сохранении планового начала.

В противовес здравому подходу к экономическому строительству, Мао Цзэ-дун и его сторонники в 1963—1965 гг. вновь стали усиленно навязывать партии и стране свой волюнтаристский подход к решению хозяйственных проблем, стоящих перед Китаем. Свой поход против принципов научного социализма они начали со злобных нападок на экономические реформы, которые проводятся в Советском Союзе и других социалистических странах. Сторонники Мао Цзэ-дуна пытались запугать Коммунистическую партию Китая жупелом возврата к капитализму, буржуазного перерождения.

Мао Цзэ-дун и его группа не ограничились лишь пропагандой своих антинаучных социально-экономических теорий и шельмованием идейных противников. Они вновь попытались осуществить свои реакционные концепции на практике. Об этом свидетельствует та шумиха в печати, которая была поднята вокруг опыта Дацинского нефтеперерабатывающего завода и Дачжайской коммуны. В пропаганде опыта Дацина и Дачжая в качестве примера для подражания указывается, что эти предприятия созданы якобы «опираясь на собственные силы», т. е. без привлечения централизованных фондов (хотя Дацинский завод оснащен современным оборудованием из СССР и других социалистических стран). Тем самым делается попытка возродить своеобразные натуральные хозяйства, т. е. замкнутые, самообеспечивающиеся единицы типа тех коммун образца 1958 г., которые, по мнению Мао Цзэ-дуна, должны были стать ячейками коммунистического общества.

Мао Цзэ-дун опасается, что в случае возврата Китая на рельсы планомерного экономического строительства окончательно вскрыется необоснованность его претензий на роль выдающегося мыслителя в такой важной научной области, как экономическая теория. Более того, нормальное экономическое развитие, отвечающее подлинно национальным интересам китайского народа, неизбежно потребовало бы отказа от автаркических тенденций, использования опыта других социалистических стран, сближения с Советским Союзом и всем социалистическим содружеством. А именно этого-то всеми силами стараются не допускать Мао Цзэ-дун и его сторонники, стоящие на националистических позициях.

Борьба по вопросу о путях экономического развития

особенно обострилась к концу 1965 г., когда было объявлено, что со следующего года в Китае начнется выполнение третьего пятилетнего плана. В связи с этим Мао Цзэ-дун перешел от идеологического давления на своих противников к прямым политическим акциям против них. В ходе «культурной революции» Мао Цзэ-дун со своей группой пытается убрать с дороги всех, кто активно или пассивно мешает ему в осуществлении его идей, всех, кто хорошо помнит, к чему уже однажды привели эти идеи, и не желает повторения печального опыта. Именно в этом кроется одна из основных причин яростной атаки, предпринятой Мао Цзэ-дуном против Коммунистической партии Китая, против органов народной власти.

«Культурная революция» уже нанесла большой ущерб экономике страны. Дезорганизация административно-политического и партийного аппарата, порожденная произволом хунвэйбинов и цзаофаней, вызвала перебои в работе промышленности, транспорта, торговых организаций. Наступление на права трудящихся под лозунгом «борьбы против экономизма» привело к забастовкам рабочих, отказу крестьян участвовать в полевых работах. Однако все это — лишь предвестие того хаоса, который может вызвать упорство Мао Цзэ-дуна и его группы в проведении своей линии.

СТАВКА НА СОЗДАНИЕ РЕЖИМА ВОЕННО- БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Анализ событий в Китае показывает, что разгром органов партии и народной власти задуман Мао Цзэ-дуном и его группой с целью закрепить обстановку культа личности Мао Цзэ-дуна, ввести режим военно-бюрократической диктатуры.

В ходе «культурной революции» раздувание культа личности Мао Цзэ-дуна доведено до чудовищных размеров, практически — до стадии обожествления. «Указания Мао Цзэ-дуна» ставятся выше решений съездов партии, требований ее Устава, выше положений конституции КНР. Каждое слово Мао Цзэ-дуна объявлено «непреложной истиной». Цель пропаганды культа Мао Цзэ-дуна — обработка масс в духе веры, личной преданности «вождю», готовности к беспрекословному выполнению любых его указаний. Китайским трудящимся внушается мысль, что в изучении «идей» и произведений Мао Цзэ-дуна они должны видеть свою первую жизненную потребность. «Можно не есть и не спать,— учит газета «Жэньминь жибао»,— но нельзя не читать произведений председателя Мао».

Организаторы «культурной революции» откровенно объявили, что главная задача этой кампании в области идейно-политической состоит в интенсивном «внедрении» идей и установок Мао Цзэ-дуна в сознание широких масс населения Китая. «Великая пролетарская культурная революция — это великая революция, призванная сделать идеи Мао Цзэ-дуна едиными идеями всего народа,— писала газета «Жэньминь жибао».— Идеи Мао Цзэ-дуна должны командовать всем».

Другими словами, делается попытка подменить марксизм-ленинизм, мировое и национальное культурное наследие «идеями Мао Цзэ-дуна».

Подмена марксизма-ленинизма маоизмом маскируется объявлением «идей Мао Цзэ-дуна» «вершиной марксизма-ленинизма в современную эпоху», «самым высоким, самым творческим марксизмом-ленинизмом» наших дней и т. п.

«Товарищ Мао Цзэ-дун,— говорится в написанном самим Мао Цзэ-дуном решении XI пленума ЦК КПК,— является величайшим марксистом-ленинцем нашего времени. Он гениально, творчески, всесторонне унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на новую ступень». Китайский народ пытаются убедить, что Мао Цзэ-дун «намного выше Маркса, Энгельса и Ленина», что такие «таланты», как он, «встречаются в мире и в Китае раз в тысячу лет».

Курс на создание в Китае военно-бюрократической диктатуры сопровождается настойчивой пропагандой военизации всех отраслей жизни страны, новой волной кампании «учиться у НОАК». «Все заводы и фабрики, сельские народные коммуны, школы, магазины, предприятия бытового обслуживания, партийно-правительственные учреждения нашей страны должны брать пример с освободительной армии»,— требует газета «Жэньминь жибао».

НОАК отводится роль не только образца, но и основной силы в организационно-политической работе. «Выполняя, главным образом, задачу боевого отряда, НОАК — эта великая школа — в то же время сочетает в себе военное дело и учебу, военное дело и сельское хозяйство, военное дело и промышленность, военное дело и работу среди масс, готовит и растит миллионы продолжателей революционного дела пролетариата»,— утверждает армейская газета.

Насаждение силами армии военно-бюрократических органов власти в сочетании с раздуванием культа личности Мао Цзэ-дуна отражает стремление Мао Цзэ-дуна и его окружения к неограниченной власти, притязания Мао Цзэ-дуна на роль величайшего политического деятеля и мыслителя всех времен и народов. Свой взгляд на обстановку культа личности, как на средство укрепления и сохранения личной власти, Мао Цзэ-дун откровенно

высказал, в частности, в беседе с американским журналистом Эдгаром Сноу в начале 1965 г., заявив, что руководителя, создавшего себе культ, нелегко сместить.

Однако причины и цели ставки на военно-бюрократическую диктатуру, на создание в Китае атмосферы культа личности «вождя» отнюдь не исчерпываются личными амбициями, жадой неограниченной власти Мао Цзэ-дуна и его группы.

Послушный военно-бюрократический механизм власти и «культ вождя» — основные элементы маоцзэдуновской схемы «идеальной» надстройки.

Пропаганда военизации, выдвижение на первый план в качестве главной политической силы армии отражают стремление Мао Цзэ-дуна и его окружения провести в жизнь одну из краеугольных идей маоистского комплекса представлений о путях и методах организации общества — идею милитаризации всех областей политической и социально-экономической жизни, идею создания общества, образцом и одновременно главным инструментом перекраивания которого по своему подобию является армия.

Атмосферу культа личности Мао Цзэ-дун рассматривает как важнейшее идейно-политическое условие функционирования военизированного механизма власти, как идеологическое «освящение» всего режима военно-бюрократической диктатуры.

Ставка на культ личности, выдвижение армии в качестве модели и инструмента милитаризации общества тесно связаны с идеалистическим, антимарксистским пониманием Мао Цзэ-дуном вопросов соотношения идеологии, политики и социально-экономических процессов.

Для взглядов и практики Мао Цзэ-дуна на всем протяжении его деятельности характерно типичное для мелкобуржуазных политиков представление об идеологии и политике как источниках и решающих факторах общественного развития, как средствах «подталкивания», форсирования революционных и социально-экономических процессов, независимо от уровня развития производительных сил и соответствующего ему характера производственных отношений.

«Читать книги председателя Мао, слушаться председателя Мао, винтовкой рисовать самые новые, самые прекрасные картины» — вот один из образчиков «попу-

лярного» изложения маоистской схемы общественного развития в китайской пропаганде.

Субъективный фактор — идеи — «революционизированное сознание» — являются, по Мао Цзэ-дуну, главной предпосылкой всякого действия. Политика, понимаемая Мао Цзэ-дуном прежде всего как насилие, выступает в качестве средства перекраивания объективной действительности в соответствии с «революционизированным» сознанием. Социально-экономическая реальность рассматривается лишь как объект, как «лист чистой бумаги», на которой источник идей — «великая личность» — средствами политики — винтовки рисует тем более «новые и прекрасные картины», чем выше степень «революционизации» сознания, чем совершеннее политический инструмент, используемый этой «великой личностью». Если идея-схема развития найдена или считается найденной, дело остается лишь за поисками «послушного» политического инструмента для «внедрения» этой идеи в массы, для ее осуществления.

По Мао Цзэ-дуну, процесс «революционизации» сознания происходит вне всякой зависимости от общественного бытия. Китайская пропаганда откровенно заявляет, что «революционизировать сознание» — это значит усвоить идеи Мао Цзэ-дуна. Сам процесс «революционизации» сводится лишь к усвоению идей и установок Мао Цзэ-дуна, к заучиванию его изречений. Обстановку культа личности Мао Цзэ-дун и его окружение рассматривают как наиболее эффективное средство «тотальной революционизации» сознания широких масс населения.

Это отождествление субъективного фактора с «идеями Мао Цзэ-дуна», а процесса «революционизации» с приемами и методами «внедрения» этих идей свидетельствует, что Мао Цзэ-дун не только гипертрофирует роль субъективного фактора, но и сам субъективный фактор сводит к влиянию «великой» личности на общественный процесс.

Взгляд Мао Цзэ-дуна на армию и военизацию как на лучшее средство политики, средство и метод организации масс, возник на почве его мелкобуржуазного понимания политики как насилия и закрепился в результате абсолютизации одной из сторон опыта китайской революции — революционной войны, абсолютизации опыта Коммунистической партии Китая, действовавшей в течение

многих лет в условиях революционных войн как военизированная организация.

До победы китайской революции характерное для Мао Цзэ-дуна выпячивание роли насилия проявлялось в абсолютизации роли войны, армии, вооруженной борьбы в революционном процессе, в завоевании власти.

В работах Мао Цзэ-дуна 30-х годов эта апология насилия выразилась в подмене марксистского тезиса о политической борьбе и революции как высших формах классовой борьбы антимарксистским положением о войне как высшей форме классовой борьбы и революции. «Центральной задачей революции и высшей ее формой,— говорилось, например, в одной из работ Мао Цзэ-дуна,— является захват власти вооруженным путем, то есть решение вопроса войной».

Представление об армии и войне как источнике власти, как универсальных средствах ее завоевания и удержания нашло в те же годы отражение в известном положении Мао Цзэ-дуна «винтовка рождает власть». Пытаясь подвести «теоретическую» базу под этот тезис, Мао Цзэ-дун искажил марксистское учение о государстве. «С точки зрения марксистского учения о государстве,— говорится в работе Мао Цзэ-дуна «Война и вопросы стратегии» (1938 г.),— армия является важнейшей составной частью аппарата государственной власти. Кто хочет захватить государственную власть и удержать ее, тот должен иметь мощную армию... перестроить мир можно только с помощью винтовки».

Бесспорно, армия в специфических условиях Китая на этапе борьбы за создание народной власти имела очень большое значение. На это обстоятельство неоднократно указывал китайским коммунистам Коминтерн. Однако совершенно ясно, что попытки представить тезис «винтовка рождает власть» в виде некоей всеобщей истины, рецепта для всех стран и народов, как это делают в последние годы Мао Цзэ-дун и его группа, отождествление армии с властью, а власти с насилием — чужды марксизму и почерпнуты Мао Цзэ-дуном из источников, ничего общего не имеющих с марксизмом.

В своих работах Мао Цзэ-дун сам проливает свет на источник и природу его взглядов на роль войны и армии. «После революции 1911 года,— писал Мао Цзэ-дун в ра-

боте «Война и вопросы стратегии», — все милитаристы всегда дорожили армией, как своей жизнью; они всегда чтили истину: «есть армия — есть власть». ««Есть армия — есть власть», «война решает все» — эти истины он (Чан Кай-ши. — Авт.) прочно усвоил. В этом отношении мы должны у него учиться».

В период длительной борьбы КПК в освобожденных районах, когда военизация всех сторон политической, экономической и общественной жизни, включая партию, диктовалась обстановкой военного времени, начало оформляться и представление Мао Цзэ-дуна об армии как об «идеальной модели» общественного устройства, как о наиболее удобном и послушном орудии власти.

В эти годы партия составляла одно целое с армией, включая в себя костяк армейских кадров, основную массу бойцов и командиров народно-освободительных войск. Партийная организация и ее работа строились по армейским принципам. Именно тогда возникли такие лозунги, как «первый секретарь — главнокомандующий», «секретарь ячейки — командир отделения», сложился «приказной», «командный» стиль работы.

В специфических условиях освобожденных районов силами воинских частей решались не только военные задачи, но и задачи политической работы, организации масс крестьянства и экономической жизни, армия принимала участие в полевых работах для обеспечения себя продовольствием.

Тяга к военизации постоянно проявлялась в установках и деятельности Мао Цзэ-дуна и после создания КНР. «Пристрастие» Мао Цзэ-дуна к «подталкиванию» социально-экономических процессов военно-бюрократическими методами постоянно давало о себе знать уже в первые годы существования КНР — в восстановительном периоде (1949—1952 гг.), в первой пятилетке (1953—1957 гг.). С 1949 по 1954 г. — до принятия Конституции КНР и первых выборов органов власти — в стране осуществлялся военный контроль. Рабочий класс Китая и его общественные организации длительное время не привлекались к участию в работе назначаемых сверху военно-контрольных органов, не были представлены в них. И после выборов центральных и местных органов власти в различных провинциях и автономных областях Китая продолжали существовать так называемые «особые рай-

оны» во главе с «особоуполномоченными», заменявшими выборные органы партии и народной власти.

Как средство «подготовки» и «подхлестывания» социально-экономических преобразований широко применялись карательные меры, принуждение.

В выступлении на VIII съезде КПК министр общественной безопасности сообщил, что, приступая к форсированию кооперирования деревни в 1955—1956 гг., Мао Цзэ-дун дал указание органам общественной безопасности усилить карательные меры, «в плановом порядке... нанести еще несколько ударов по контрреволюции», в результате чего «была ликвидирована группа контрреволюционных элементов, скрывавшихся в рядах рабочего класса и народа», был обеспечен «успешный ход... социалистических преобразований». На деле главным объектом развернутой по указанию Мао Цзэ-дуна «кампании по подавлению контрреволюции» в 1955—1956 гг. стали широкие массы крестьянства — бедняков и середняков, значительное число китайских коммунистов, выступавших за принятое ранее партией решение о постепенном проведении кооперирования в течение трех пятилеток, против указаний Мао Цзэ-дуна о сверхтемпах кооперирования деревни.

Карательные меры, насилие в самых жестоких формах широко применялись при проведении многих общественно-политических и идеологических кампаний, таких, как критика кинофильма «Жизнь У Сюня» (1951 г.), «борьба против трех и пяти зол» (1952), «борьба против правых элементов» (1957 г.). Наряду с массовыми репрессиями уже в этих кампаниях использовалась специфическая форма террора, характерная и для нынешних событий в Китае, — «собрания» и «шествия позора», — приводящая к массовым самоубийствам. Репрессии постоянно применялись и в ходе следовавших одна за другой чисток партии в 1951—1952, 1955—1956 и 1957 гг. В кампании «борьбы против трех и пяти зол» трибуналы для вынесения приговоров создавались даже в отдельных учреждениях. Их приговоры, включая смертные, утверждались не судами, а административными органами. В ходе «борьбы против правых элементов», по данным обследования, представленным в ЦК КПК, в одном из уездов столичной провинции Хэбэй «было избито 230 человек», в одном из уездов провинции Шэньси «из 158 человек, с

которыми велась борьба, 79 человек были связаны и избиты, подвешены на веревках» и т. д. и т. п.

Почвой для этого являлось и является сегодня откровенное пренебрежение маоистского руководства принципами социалистической законности. Мао Цзэ-дун и его группа отказываются от принятия в КНР основных кодексов законов, как якобы «связывающих руки революционной власти», «создающих лазейки для противников нашей диктатуры». Юридической науке в КНР предлагается исходить из таких «постулатов» Мао Цзэ-дуна, как: «чтобы выпрямить, надо перегнуть, не перегнешь — не выпрямишь» или «крестьянский глаз не ошибается», прямо поощряющих перегибы и произвол.

Все эти установки и практика неразрывно связаны с общей трактовкой Мао Цзэ-дуном функций власти социалистического государства, диктатуры пролетариата как прежде всего и преимущественно насилия, подавления, трактовкой, неизменно повторяемой маоистской пропагандой с первых лет существования КНР и до настоящего времени.

Ставка на военизацию, на методы военно-бюрократического «подхлестывания» социально-экономических процессов в самых широких масштабах представляла собой основу организационно-политических мероприятий Мао Цзэ-дуна и его группы в период «большого скачка» и особенно в годы, последовавшие за его провалом.

«Большой скачок» был попыткой осуществить на практике в масштабе всей страны определившийся к этому времени набор представлений Мао Цзэ-дуна о путях и методах ускоренного развития общества и экономики. Важнейшие лозунги «большого скачка» были, по существу, лишь видоизменением положений, сформулированных Мао Цзэ-дуном на этапе буржуазно-демократической революции.

Главной установкой, широко пропагандирующей в Китае со времени «скачка», стал двойник тезиса «винтовка рождает власть» — положение «политика — душа, командная сила», в концентрированной форме отразившее волюнтаристский дух всего замысла «скачка».

Попыткой возрождения методов организации масс, осуществлявшихся во время гражданской войны, была установка на «военизированную организацию» народных коммун. Народные коммуны в первом варианте создава-

лись как военизированные единицы. Каждая коммуна объявлялась дивизией народного ополчения и делилась на производственные полки, батальоны и роты. Председатели коммун считались командирами дивизий и в ряде мест в 1958—1959 гг. носили форму и соответствующие знаки различия. Китайская печать в 1958 г. была полна сообщениями о военизированном режиме в коммунах: общий подъем по сигналу, общее построение с оружием или орудиями труда, выход строем на работу, военные занятия и т. д. В провинциях стали создаваться трудовые армии, «полевые корпуса», которые занимались выплавкой металла, строительством ирригационных сооружений и дорог. Лишь недовольство крестьянства, а затем, в обстановке наступивших голодных лет, боязнь, что военизированное крестьянство станет опасной силой, вынудили инициаторов этой затеи отложить ее до «лучших» времен.

Одновременно в период «скачка» была развязана кампания возвеличивания Мао Цзэ-дуна и его «идей». «Большой скачок» был первой после создания КНР попыткой маоистской группировки провести в жизнь в масштабах всей страны мелкобуржуазно-идеалистическую схему процесса общественного развития, использовать атмосферу культа личности «вождя» для форсирования социально-экономических процессов.

Курс Мао Цзэ-дуна на создание в КПК режима культа личности определился еще до создания КНР — в конце 30-х — начале 40-х гг., когда Мао Цзэ-дун и его сторонники вели борьбу за утверждение в партии своего руководящего положения.

В так называемых «кампаниях за исправление стиля» 1941—1942 и 1943—1944 гг. атмосфера культа Мао Цзэ-дуна нагнеталась методами идеологических проработок, террора и репрессий, напоминающими методы, которые широко применяются сегодня в ходе «культурной революции».

Уже тогда Мао Цзэ-дун в написанном им «Решении по некоторым вопросам истории КПК» (апрель 1945 г.) попытался заложить «основы» фальсифицированной версии, согласно которой вся история КПК якобы концентрировалась вокруг него, а сам Мао Цзэ-дун объявлялся единственным последовательным марксистом, главным борцом против всех и всяких уклонов.

В определение идейно-теоретических основ деятельности КПК в Уставе партии, принятом на VII съезде КПК в 1945 г., под давлением Мао Цзэ-дуна и его сторонников была внесена беспрецедентная для практики коммунистических и рабочих партий формулировка: «КПК во всей своей деятельности руководствуется идеями Мао Цзэ-дуна...»

После победы революции, стремясь создать обстановку «культа вождя» теперь уже не только в партии, но в масштабе всей страны, в 1951—1952 гг. Мао Цзэ-дун и его группа развернули первую в КНР широкую кампанию превознесения Мао Цзэ-дуна и его «идей».

В специально выпущенной в ходе кампании книге Чэнь Бо-да победа народной революции и создание КНР связывались прежде всего с именем Мао Цзэ-дуна, объявлялись торжеством его «идей». Мао Цзэ-дун именовался «спасителем» и «путеводной звездой» китайской нации, «идеи Мао Цзэ-дуна» объявлялись «важнейшим развитием» марксистского учения применительно к революциям в колониях и полуколониях.

Однако в первые годы существования КНР влияние стран социализма, ознакомление китайских коммунистов с опытом партийного и государственного строительства в СССР и других социалистических странах усиливали позиции пролетарского, интернационалистского направления в КПК, ограничивали культовые претензии Мао Цзэ-дуна. Серьезное влияние на КПК оказал XX съезд КПСС, осудивший отклонения от ленинских норм жизни партии, от ленинских требований научного подхода к вопросам социально-экономического строительства. Под влиянием XX съезда КПСС в выступлениях на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. ясно прозвучала критика в адрес идеологии и практики культа личности, было указано на необходимость развития и совершенствования партийной и государственной демократии. Съезд принял новую редакцию Устава КПК, изменил формулировку идейно-теоретических основ деятельности партии, исключив из нее указание на «идеи Мао Цзэ-дуна».

Решения высшего органа КПК — съезда партии — Мао Цзэ-дун и его окружение расценили как прямое препятствие на пути утверждения своего всевластия, осуществления своих планов.

С началом «скачка» маоистская группировка в прямом противоречии с духом решений 1-й сессии VIII съезда КПК, с требованиями нового Устава использовала свое положение в партии для развертывания следующего этапа пропаганды культа Мао Цзэ-дуна. «Идеи Мао Цзэ-дуна» — так называемая генеральная линия «строительства социализма по принципу больше, лучше, быстрее, экономнее», идея народных коммун — были объявлены «вкладом в теорию социализма и коммунизма, имеющим всеобщее значение». Другими словами, Мао Цзэ-дун и его группа объявили свои установки и платформу «ускоренного строительства социализма» более совершенными, чем опыт и линия социалистического строительства в СССР и других странах социализма, т. е. выступили в конце 50-х гг. с заявкой на идейно-политическую гегемонию в социалистическом лагере.

Провал «скачка» Мао Цзэ-дун и его группа расценили не как результат порочности маоистских установок, а как результат недостаточного «внедрения» «идей Мао Цзэ-дуна» и «несовершенства» того политического инструмента, с помощью которого намечалось осуществить «скачок», т. е. существующего партийно-политического аппарата. Вину за провал «скачка» возложили на партийные кадры и работников местных органов власти, якобы не сумевших понять и осуществить «идеи Мао Цзэ-дуна». Это было прямо зафиксировано, в частности, в коммюнике IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.).

Партия и органы народной власти оказались, с точки зрения Мао Цзэ-дуна и его группы, не только недостаточно послушным инструментом для осуществления их мелкобуржуазно-националистических установок. Рост недовольства в рядах партии по мере обнаружения полного провала «скачка», критика установок Мао Цзэ-дуна на Лушаньском пленуме в августе 1959 г., волна недовольства и критических выступлений в адрес политики «большого скачка», охватившая многие партийные организации в 1960—1962 гг., убедили Мао Цзэ-дуна и его группу, что партия, ее развитие и деятельность на основе принципов внутрипартийной демократии несут в себе прямую угрозу их положению в КПК и в стране.

С конца 1962 г., когда в результате осуществления политики «урегулирования» в Китае появились первые признаки относительной стабилизации экономического и

продовольственного положения, Мао Цзэ-дун и его группа приступили к осуществлению серии мероприятий, направленных на то, чтобы укрепить свое положение, создать необходимые с их точки зрения идейно-политические условия для беспрепятственного осуществления комплекса маоистских идей.

Главным содержанием этих мероприятий в области партийно-политической жизни Китая был курс на свертывание партийной и государственной демократии, на перестройку всей работы партийных и государственных органов на основе организационных принципов армии, на военизацию всех областей жизни страны.

Группа Мао Цзэ-дуна стала на путь прямого нарушения Устава партии, согласно которому раз в пять лет должны созываться партийные съезды, а ежегодно — сессии соответствующих съездов. VIII съезд КПК состоялся в сентябре 1956 г. С этого времени состоялась лишь одна — 2-я сессия VIII съезда КПК (в мае 1958 г.). После X пленума ЦК КПК, созванного в сентябре 1962 г., вплоть до августа 1966 г. ни разу не созывались пленумы ЦК партии. В течение длительного времени не проводились выборы органов партии в масштабах городов и провинций. Без санкций соответствующих партийных и государственных органов менялся курс в вопросах внутренней и внешней политики. Без решений съезда или пленума была опубликована в 1963 г. особая «генеральная линия» — написанное Мао Цзэ-дуном «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения», был взят антисоветский курс в политике и в пропаганде.

С 1963 г. по указанию Мао Цзэ-дуна по всей стране началось проведение массовых общественно-политических кампаний «учиться у Лэй Фэна», «учиться у Ван Цзе», «учиться у Оуян Хая». Лэй Фэн (так же, как и Ван Цзе и Оуян Хай) был солдатом НОАК; он добросовестно нес службу и погиб в результате случайного инцидента. В его вещах якобы были найдены дневники, в которых рассказывалось, как он изучал работы и идеи Мао Цзэ-дуна, описывались сны, в которых ему являлся Мао. В пропаганде особо выделялись следующие слова из дневников Лэй Фэна: «Быть вечным нержавеющей винтиком Председателя Мао». Солдат выдвигался в качестве образцового гражданина «идеального государства»

Мао Цзэ-дуна. Каждому китайцу, явствовало из опубликованного в печати призыва Линь Бяо, предписывалось «учиться на примере Лэй Фэна, как надо быть хорошим бойцом Председателя Мао». Другими словами, призыв Мао Цзэ-дуна «учиться у Лэй Фэна» был равносителен требованию «подчиняйтесь мне».

Вслед за этими кампаниями с начала 1964 г. в еще более широких масштабах в Китае была развернута кампания «учиться у НОАК». Она рассматривалась Мао Цзэ-дуном и его группой как первый шаг в осуществлении далеко идущего замысла — перевести весь партийно-политический аппарат и всю систему идейно-политической и организационной работы на рельсы военизации. «Опыт народно-освободительной армии,— стала настойчиво повторять маоистская пропаганда с 1964 г.,— имеет всеобщее значение для всех организаций».

Стремление Мао Цзэ-дуна и его группы военизировать партию, превратить ее в жестко контролируемое сверху послушное орудие проявилось в попытках возродить в партии «командный» стиль работы, принципы: «первый секретарь — главнокомандующий», «секретарь ячейки — командир отделения», в попытках перенести в партию армейские принципы политработы. В поисках средств поставить партию под свой неограниченный контроль, Мао Цзэ-дун и его группа попытались в 1964—1965 гг. насадить в партии сверху донизу систему политотделов. Политотделы, их руководство не выбирались, а назначались вышестоящими партийными организациями и подчинялись политотделу при соответствующем отделе ЦК КПК. Тем самым права начальника политотдела были, по замыслу, выше прав руководителя местной выборной партийной организации. Кадры политотделов маоистская группировка стремилась подобрать из представителей армейских политработников, из числа своих сторонников.

Кампания «учиться у НОАК» среди беспартийных масс ставила целью военизировать всю жизнь страны, и прежде всего отношения на производстве. Она сопровождалась расширением военного ополчения на предприятиях, в вузах и учреждениях; подчинение служебно-административное «подкреплялось» подчинением военно-административным.

Бок о бок с пропагандой военизации в 1963—1965 гг.

развертывалась пропаганда культа Мао Цзэ-дуна, осуществлявшаяся в ходе общественно-политических кампаний, содержание которых заключалось в изучении работ и «идей Мао Цзэ-дуна»: «за социалистическое воспитание», «за революционизацию», «за изучение произведений Мао Цзэ-дуна». Все эти кампании преследовали цель внедрить в сознание трудящихся маоистские установки.

Кампании по пропаганде военизации выдвигали в качестве образца для всех сфер деятельности армию и армейскую дисциплину с ее законом «приказ командира — закон для подчиненного». Пропаганда культа личности Мао Цзэ-дуна «подкрепляла» внедрение всеобщей военизации, изображая повиновение по армейскому образцу, как выполнение революционного долга, состоящего якобы в послушании лично Мао Цзэ-дуну. «Слушаться Председателя Мао Цзэ-дуна, всегда быть хорошим бойцом Мао Цзэ-дуна — только тогда можно стать истинным революционером», — утверждала маоистская пропаганда.

По примеру НОАК по стране начало распространяться заучивание отдельных изречений Мао Цзэ-дуна, сборники которых составлялись для различных слоев населения. С 1965 г. стало пропагандироваться «важное указание Линь Бяо о непосредственном значении изучения произведений Мао Цзэ-дуна», согласно которому изучение той или иной статьи Мао Цзэ-дуна дает немедленные практические результаты — устраняет неполадки на производстве, ведет к созданию новых видов продукции, открывает путь к спортивным рекордам.

Под прикрытием кампании «за социалистическое воспитание» в 1964 г. Мао Цзэ-дун и его группа попытались навязать партии новую волну массовых чисток, объявив о необходимости проведения «четырёх чисток» — «идеологической, политической, организационной и экономической». Это указание, как известно, было вновь повторено уже в ходе «культурной революции» в решениях XI пленума ЦК КПК. Чистка 1964—1965 гг., не принявшая массового характера в связи с сопротивлением членов партии, затронула значительную группу кадровых работников, особенно в низовых звеньях партийно-политического аппарата.

Одновременно группа Мао Цзэ-дуна пыталась «завинтить гайки», организуя кампании проработок отдель-

ных деятелей культуры, литературы и искусства. В 1964 г. по непосредственным указаниям Мао Цзэ-дуна, под флагом «революционизации на фронте литературы и искусства» было предпринято «перетряхивание» руководства всех творческих союзов китайской интеллигенции, снят с поста министра культуры известный китайский писатель Мао Дунь.

Для «теоретического» оправдания военизации и ограничения демократии широко использовалось выдвинутое Мао Цзэ-дуном на X пленуме ЦК КПК антинаучное, антимарксистское положение о якобы сохраняющейся до полного построения коммунизма острейшей классовой борьбе. В качестве непосредственного оправдания мер военизации использовалось раздувание слухов о военной опасности, нагнетание в стране обстановки «осажденной крепости». В сентябре 1965 г. армейская газета, ссылаясь на указание Линь Бяо, писала, что всю работу в стране надо строить исходя из необходимости подготовки к войне.

В самой армии, роль которой как опоры маоистской группировки резко возросла в 1960—1962 гг., когда внутриполитическое положение в Китае было весьма напряженным, Линь Бяо с 1960 г. развернул работу по превращению костяка армейских кадров в прочную опору Мао Цзэ-дуна и его группы. Сборник «изречений Мао Цзэ-дуна» — книжечка, с которой сегодня не расстаются хунвэйбины, был составлен политуправлением армии и распространялся сначала как внутреннее издание только в частях НОАК. Линь Бяо активно стремился очистить армию от командиров и военных специалистов, которые по тем или иным причинам не поддерживали маоистский курс и доктрину «народной войны».

Однако несмотря на все усилия, Мао Цзэ-дуну и его группе не удалось в 1963—1965 гг. поставить партию и органы народной власти под свой жесткий контроль. Наступление на партию и ее права, на внутрипартийную демократию натолкнулось на серьезное противодействие китайских коммунистов, реалистически мыслящих кадровых работников КПК. В области организационно-политической это противодействие проявилось главным образом в форме скрытого неподчинения маоистским установкам и указаниям, в стремлении всеми мерами спасти кадры партии, специалистов от чисток и ударов

маоистской группировки. В центре и на местах коммунисты — ветераны революционной борьбы, партийная интеллигенция пытались всеми возможными способами затормозить пагубный для партии и китайского народа процесс «внедрения» маоистских идей и установок, привлечь внимание общественности к жизненно важным вопросам развития экономики и культуры Китая.

Чем больше выявлялась недейственность попыток Мао Цзэ-дуна и его группы превратить коммунистическую партию в свое послушное, военизированное оружие, тем откровеннее вырисовывалось их стремление сделать инструментом осуществления маоистских установок армию. В китайской печати с 1965 г. все чаще стали появляться заявления об армии как об «основной опоре диктатуры пролетариата», как о «наиболее послушном оружии диктатуры». 18 апреля 1966 г. в статье центральной армейской газеты, непосредственно призывавшей к развертыванию «культурной революции», говорилось: «Наша армия является основным оружием диктатуры пролетариата».

Замысел разгромить существующий партийно-политический аппарат и заменить его, опираясь на армию, послушной военизированной политической машиной, видимо, определился после того, как в конце 1965 г. резко обострился конфликт между группировкой Мао Цзэ-дуна и реалистически мыслящими кадрами партии по вопросу о путях и методах экономического строительства.

Однако по ряду причин Мао Цзэ-дун и его группа не пошли на то, чтобы сразу бросить армию на разгром органов партии и народной власти.

Они опасались, что откровенная ставка на военный переворот вызовет крайне отрицательную реакцию внутри страны и за рубежом. Опасались, и, как показали события, — не без оснований, что не вся армия станет на их сторону. Выступление армии намечалось, как показали последние события в Китае, в момент, когда обстановка будет накалена слухами о «контрреволюционных заговорах», «кровавых расправах с истинными революционерами» и т. п.

В качестве «первого эшелона» в наступление на партию была брошена молодежь — школьники и студенты. Это было сделано с целью выдать инспирированный

сверху, продуманный за кулисами разгром партии за якобы «массовое», «демократическое» движение снизу. Сознавая, что глубокое недоверие к призывам и обещаниям Мао Цзэ-дуна, охватившее широкие массы трудящихся города и деревни после провала «скачка», делает невозможной опору на рабочий класс и крестьянство, группа Мао Цзэ-дуна видела в политически незрелой молодежи единственную силу, способную изобразить массы.

Выдвижение молодежи в качестве «авангарда» «пролетарской культурной революции» преследовало и другую, еще более далеко идущую цель: интенсивное «внедрение» в умы нового поколения граждан КНР идей и установок Мао Цзэ-дуна. Бросая молодежь на избиение и физическое уничтожение партийных кадров под лозунгами «защитим председателя Мао», «защитим его идеи», Мао Цзэ-дун рассчитывает связать молодежь со своим именем кровавой порукой, воспитать ее в духе преданности себе. Расчет делался на то, что предоставленная на время юношам и подросткам от имени Мао Цзэ-дуна, по существу, неограниченная власть над окружающими оставит в умах подрастающего поколения неизгладимый след, приведет к тому, что новое поколение граждан Китая, как призывают листовки хунвэйбинов, «будет славить идеи Председателя Мао сегодня и завтра, через сто, через тысячу, через десять тысяч, через десять тысяч раз по десять тысяч лет».

Организаторы «культурной революции» рассчитывали, что террор опьяненных властью подростков ослабит на некоторое время силы органов партии, накалит обстановку, даст «материал» для оправдания вмешательства армии.

«Стихия» хунвэйбинов, а затем и цзаофаней, подхлестываемая анархическими выкриками «бунт — дело правое», «устроим во всей стране великую смуту», была задумана и развязана, таким образом, как средство подготовить переход к установлению военной диктатуры.

Этот изощренный тактический замысел, вполне раскрывшийся к настоящему времени, еще раз показывает, какой беззастенчивой демагогией являются попытки Мао Цзэ-дуна и его группы выдать «культурную революцию» за действия масс. Здесь мы встречаемся с излюбленным приемом Мао Цзэ-дуна, суть которого составляет ис-

пользование отсталых настроений и взглядов, недовольства экономическими трудностями тех или иных слоев населения, отсутствия традиций демократизма для инспирации по указке сверху якобы «массовых выступлений снизу» в поддержку своих, маоистских, установок и «идей».

В нынешней кампании для нагнетания обстановки истерического обожествления Мао Цзэ-дуна используются особенности возрастной психологии. Молодежь взвинчивают демагогическими заявлениями о ее «авангардной» роли, театрализованными явлениями многозначительно молчащего «вождя» толпам школьников и студентов.

Ставка делается и на отсталые настроения, на возрождение реакционной традиции обожествления правителя в старом Китае. Новые формулы «величания» весьма близки к старым даже по словесному выражению. «На небе не может быть двух солнц, в поднебесной не может быть двух императоров», — гласит старая китайская поговорка. Китайская пропаганда и листовки хунвэйбинов пестрят такими эпитетами по адресу Мао Цзэ-дуна, как «самое красное солнце в сердцах китайского народа» и тому подобные. Рекомендации зубрить наизусть «изречения Мао Цзэ-дуна» недалеко ушли от зубрежки цитат из «Речений Конфуция» и других канонических книг, составлявших содержание образования в старом Китае.

Кампания восхваления Мао Цзэ-дуна «подкрепляется» и прямым террором: тот, кто не твердит вместе с хунвэйбинами «изречения Мао Цзэ-дуна», не поет песен о «великом кормчем», не вывешивает изречений «вождя» у себя дома или на работе, рискует угодить в противники «идей Мао Цзэ-дуна» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ради осуществления своего давнего стремления изобразить себя единственным и непогрешимым вождем китайской революции, основой и источником всех ее побед, вытравить из памяти китайских трудящихся имена основателей КПК и Красной армии Китая, имена видных руководителей КПК и профсоюзов Мао Цзэ-дун не останавливается ни перед травлей ныне здравствующих ветеранов революции, ни перед клеветой на погибших. По указке Мао Цзэ-дуна и его окружения газеты

хунвэйбинов и цзаофаней чернят память одного из первых пропагандистов марксизма-ленинизма в Китае, видного руководителя КПК Цюй Цю-бо, погибшего с «Интернационалом» на устах от рук гоминьдановской охраны. Развернута кампания клеветы против ветеранов революции, основателей и первых боевых командиров Красной армии Китая — Чжу Дэ и Хэ Луна. С помощью грубых натяжек и ложных обвинений шельмуют таких деятелей науки и культуры КНР, как первый переводчик «Капитала» на китайский язык, автор многотомных книг по истории китайской общественной мысли профессор Хоу Вай-лу, участник I съезда КПК профессор-философ Ли Да и многие-многие другие работники партии, представители партийной интеллигенции, связавшие свою судьбу с КПК задолго до победы китайской революции.

Мао Цзэ-дун и его окружение, несомненно, отдают себе отчет, что насаждаемый ими режим военно-бюрократической диктатуры может паразитировать лишь в определенных условиях — общего низкого уровня культуры, образования, ограничения влияния науки на общественную жизнь, на руководство обществом. Именно поэтому в ходе «культурной революции» начат беспрецедентный поход против мировой и национальной культуры, наносятся тяжелые удары по интеллигенции, по виднейшим деятелям науки и культуры.

Организаторы «культурной революции» особо выделяют задачу «ниспровержения старых авторитетов». Это делается для того, чтобы исключить возможность каких бы то ни было сравнений и сопоставлений, которые могли бы оказаться не в пользу Мао Цзэ-дуна и его идей, в корне пресечь всякую возможность проявления самостоятельного мышления, критического отношения к установкам Мао Цзэ-дуна. В «черные списки» занесены произведения почти всех классиков мировой литературы и искусства, большинство классических произведений национальной культуры, лучшие современные книги, пьесы, фильмы и другие произведения.

Творческих работников, объявленных «противниками идей Мао Цзэ-дуна», публично подвергают оскорблениям, издевательствам. Зарубежная печать сообщает о прокатившейся по стране волне самоубийств среди творческой интеллигенции.

Для оправдания ударов по интеллигенции и культуре пущена в ход антимарксистская идейка, согласно которой интеллигенция объявляется социально опасным слоем, якобы постоянно тяготеющим к ревизионизму, средой, постоянно выделяющей «буржуазных перерожденцев».

В ходе «культурной революции» обнародованы указания Мао Цзэ-дуна о необходимости «реформы» образования, суть которой состоит в увеличении учебных часов в школе и в вузах, посвященных изучению «идей Мао Цзэ-дуна», при общем сокращении срока обучения.

Как сообщается в листовках хунвэйбинов в 1966 г., Мао Цзэ-дун еще в 1964 г. утверждал, что «курс наук можно срезать наполовину». «Конфуций,— говорил Мао Цзэ-дун,— обучал всего шести искусствам: церемониям, музыке, стрельбе из лука, управлению колесницей, священным книгам и арифметике». В подтверждение того, что молодежи нет нужды утруждать себя научными занятиями, Мао Цзэ-дун ссылался на опыт... императоров Китая. «При династии Мин,— говорил, он,— дела шли хорошо только у двух императоров — Тай-цзу и Чэн-цзу; один из них не знал иероглифов, а другой знал их немного. А потом при Цзя-цине интеллигенты пришли к власти, а дело, наоборот, не пошло; в государстве дела на лад не пошли. Если книг прочтено много, то императором не станешь...»

Удар по культуре, науке и образованию нельзя расценить иначе, как откровенную ставку на воспроизведение и консервацию условий, благоприятствующих сохранению «культы вождя» и диктаторских методов управления.

Подменяя марксизм-ленинизм, все культурное наследие «идеями Мао Цзэ-дуна», маоистская группировка рассчитывает создать в Китае своего рода духовный вакуум, воздвигнуть идеологическую стену, препятствующую дальнейшему проникновению в Китай идей научного социализма, передового опыта международного рабочего класса и социалистического строительства.

Изображая «идеи Мао Цзэ-дуна» как «творческое и всестороннее» развитие марксизма, Мао Цзэ-дун и его группа преследуют еще более далеко идущую цель: идейно дезориентировать трудящихся Китая, замаски-

ровать отказ Мао Цзэ-дуна и его группы от целей и задач социалистического строительства, идеологически подготовить страну к любым поворотам во внутренней и внешней политике во имя осуществления их мелко-буржуазно-националистической, гегемонистской платформы.

Таким образом, по своему социально-политическому содержанию кампания, организованная Мао Цзэ-дуном и его окружением, представляет собой попытку использования части непролетарских слоев, главным образом молодежи, политически отсталых элементов и армии для осуществления реакционного переворота. В области идейно-политической этот переворот ставит целью ликвидацию надстройки, сложившейся в КНР за годы народной власти, и установление режима военно-бюрократической диктатуры, режима культа личности Мао Цзэ-дуна.

НОВАЯ ФАЗА ШОВИНИСТИЧЕСКОЙ, РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Последние события в Китае со всей ясностью показали, что в основе курса Мао Цзэ-дуна и его группы лежат воинствующий национализм и шовинизм, великодержавные устремления.

«Культурная революция» открыла новую фазу борьбы Мао Цзэ-дуна и его группы против генеральной линии мирового коммунистического движения. На XI пленуме ЦК КПК маоистская группировка открыто заявила о разрыве с линией Декларации и Заявления Московских совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. Решения пленума официально подтвердили намерение руководства КПК и впредь осуществлять свой особый курс, противопоставляя его марксистско-ленинской линии, совместно выработанной братскими партиями на этих совещаниях.

В решениях XI пленума подтверждается категорический отказ маоистской группировки от главного лозунга марксистско-ленинских партий сегодня — лозунга единства действий всех социалистических стран, коммунистов всего мира в поддержку борьбы народа Вьетнама против империалистической агрессии.

В маоистской пропаганде, в решениях XI пленума вновь повторяются клеветнические обвинения КПСС и других марксистско-ленинских партий в «ревизионизме» и т. п., выдвигается призыв «исключить» Советский Союз из антиимпериалистического фронта. Прикрываясь фальшивым тезисом «для разгрома империализма необходимо разгромить современный ревизионизм», Мао

Цзэ-дун и его группа объявляют врагом № 1 не империализм, а СССР и другие социалистические страны.

Маоистская группировка, таким образом, открыто порывает со всеми основными положениями интернациональной линии мирового коммунистического движения, линии всех революционных, антиимпериалистических сил современности.

В ходе «культурной революции» еще более обнажено, чем в предыдущие годы, выявились гегемонистские претензии Мао Цзэ-дуна и его группы. Маоистская пропаганда откровенно объявляет Мао Цзэ-дуна «вождем народов всего мира», а Китай соответственно — «центром мировой революции», «главной антиимпериалистической силой» и т. п.

Под прикрытием «революционного» авангардизма, разглагольствований об «особой роли и миссии Китая» маоистская группировка пытается пронизать всю жизнь страны духом шовинизма, подчинить весь ход развития КНР, всю жизнь китайских трудящихся планам завоевания мировой гегемонии.

Молодежи внушают, что ее главная задача — «перестроить мир на основе идей Мао Цзэ-дуна». «Знамя Мао Цзэ-дуна, — утверждается в листовках хунвэйбинов, — будет развеваться над всем миром».

Нагнетание шовинистических настроений на всех этапах нынешней кампании сопровождается злобной клеветнической антисоветской пропагандой и позорными антисоветскими провокациями, яростными нападениями на политику марксистско-ленинских партий и социалистических стран.

Нынешняя шовинистическая платформа Мао Цзэ-дуна — продолжение и дальнейшее развитие его прежней националистической линии. Ее возникновение объясняется объективными и субъективными условиями развития КПК, особенностями формирования взглядов Мао Цзэ-дуна и его группировки.

Коммунистическая партия Китая возникла и формировалась в полуколониальной стране, когда одной из основных задач революции была ликвидация национального гнета. Это обстоятельство накладывало отпечаток на всю идейно-политическую жизнь страны: теории и программы предшественников компартии — реформаторов, буржуазных и мелкобуржуазных революционе-

ров — ставили своей целью прежде всего национальное возрождение Китая. Эту цель впоследствии восприняли и китайские коммунисты, связав национальное возрождение с перспективой социалистического строительства в стране.

В национализме предшественников китайских коммунистов, как и во всяком национализме угнетенных наций, имели место прогрессивные, общедемократические требования. В то же время в их доктринах содержались серьезные реакционные элементы: шовинистическое отношение к национальным меньшинствам внутри страны, национальное высокомерие в отношении других народов, расизм, мессианство, выливавшееся в различные теории об исключительности судеб китайского народа, о его особой миссии в истории человечества.

После образования КПК и подъема революционного движения в Китае эти шовинистические идеи были подхвачены реакционными буржуазными националистами, а позже идеологами реакционного Гоминьдана, стремившимися националистическими лозунгами отвлечь массы от революционной борьбы.

С возникновением КПК китайские коммунисты-интернационалисты повели борьбу против реакционных националистических и шовинистических концепций. Они решительно выступили против проявлений национализма в рядах партии. Эта борьба имела для КПК особо важное значение, поскольку влияние националистических взглядов и настроений внутри партии, формировавшейся в основном из непролетарских элементов, постоянно давало о себе знать.

Национализм постоянно просвечивал во взглядах и деятельности Мао Цзэ-дуна и складывавшейся вокруг него группировки как до, так и после победы народной революции.

Открыто шовинистическую позицию занимал Мао Цзэ-дун в территориальном вопросе. Еще в 30-х гг. он заявил американскому публицисту Эдгару Сноу, что Монгольская Народная Республика войдет в состав Китая. Претензии на присоединение МНР к Китаю выдвигались маоистским руководством и после создания КНР, в частности в беседе с советской партийно-правительственной делегацией в Пекине в 1954 г. В работе

«Китайская революция и КПК» (1939 г.) Мао Цзэ-дун, перечисляя территории, захваченные империалистами у Китая, включил в их число и государства, бывшие вассалами китайских императоров-завоевателей, в том числе Корею, Бирму, острова Рюкю и другие, никогда не входившие в национальную территорию китайского государства.

Шовинизм Мао Цзэ-дуна и его группы проявился в отказе после создания КНР от принципов ленинской национальной политики. Некитайским народностям, населяющим КНР, не было предоставлено право на самоопределение. Маоистская группировка восприняла великоханьскую политику китайской колонизации национальных окраин, ассимиляции малых народов.

С конца 30-х гг. национализм маоистской группировки начал проявляться и в стремлении изолировать КПК от влияния международного пролетариата, в противопоставлении «идей Мао Цзэ-дуна» марксистско-ленинскому учению о революции в колониях и полуколониях, опыту международного рабочего класса.

Мао Цзэ-дун и его сторонники в кампаниях «за исправление стиля» 1941—1944 гг. культивировали в партии националистические настроения, вели борьбу против коммунистов-интернационалистов под демагогическими лозунгами преодоления «заморских шаблонов».

На VII съезде КПК (апрель 1945 г.) националистическое противопоставление «идей Мао Цзэ-дуна» марксизму-ленинизму было закреплено в Уставе партии. Разрастанию шовинистических, гегемонистских претензий маоистской группировки способствовала обстановка культа Мао Цзэ-дуна.

Во второй половине 40-х гг. Мао Цзэ-дун и его группа выступили с открытой заявкой на гегемонию в национально-освободительном движении: «идеи Мао Цзэ-дуна» были объявлены уже не только «единственно правильной теорией китайской революции», но и руководством к действию для всех народов колониальных и зависимых стран.

Вскоре после окончания войны с Японией китайские лидеры через американскую печать оповестили весь мир, что «идеи Мао Цзэ-дуна» это не что иное, как «китайская» или «азиатская» форма марксизма. В 1949 г. на конференции профсоюзов стран Азии и Океании в Пе-

кине было заявлено, что все народы, борющиеся за национальное освобождение, должны следовать по «пути Мао Цзэ-дуна». Национализм начал разрастаться в гегемонизм.

В первые годы после победы революции в Китае объективные условия ограничивали проявление националистических, гегемонистских претензий Мао Цзэ-дуна и его группы. Экономическая отсталость, хозяйственная разруха, угроза интервенции американского империализма требовали сближения КНР с лагерем социализма.

Влияние Советского Союза и сама логика революционного процесса — создание государственного сектора народного хозяйства, рост рабочего класса, расширение контактов КПК с марксистско-ленинскими партиями — ограничивали развитие националистических тенденций, заставляли Мао Цзэ-дуна и его группу считаться с китайским пролетариатом, принимать опыт социалистического строительства в СССР и других странах социализма.

В условиях полуколониальной в недавнем прошлом страны, основную массу населения которой составляют непролетарские слои, особо подверженные болезням национализма, проведение последовательно-интернационалистической линии, воспитание масс в духе интернационализма имело крайне важное значение. Этого требовали интересы сплочения социалистических стран, задачи социалистического развития Китая. 1-я сессия VIII съезда КПК в 1956 г. обратила серьезное внимание на необходимость борьбы со всеми проявлениями национализма и, в особенности, с великоханьским шовинизмом.

Однако, вопреки воле партии и подлинным национальным интересам китайского народа, Мао Цзэ-дун и его группа с конца 50-х гг. делают первые попытки поставить политическое и экономическое развитие страны на службу своим шовинистическим планам.

Успехи Китая в экономическом и культурном строительстве в годы первой пятилетки, укрепление международного положения и рост престижа КНР Мао Цзэ-дун и его группа сочли достаточно прочным фундаментом для того, чтобы начать борьбу за гегемонию на мировой арене.

В качестве первой задачи намечалось завоевание ге-

гегемонии в мировом коммунистическом движении, в социалистическом лагере.

Тактический план борьбы за гегемонию на первом этапе — со второй половины 50-х до начала 60-х гг. — состоял в завоевании идейно-политической гегемонии в едином коммунистическом движении, в едином социалистическом лагере.

Путь к гегемонии Мао Цзэ-дун и его группа видели в противопоставлении своего курса во внутренней и внешней политике как «последовательно-революционного» внешнеполитической линии и опыту строительства социализма СССР и других социалистических стран.

В противовес согласованной генеральной линии марксистско-ленинских партий, считающих, что для дела социализма необходимы обстановка разрядки, осуществление политики мирного сосуществования стран с различным социальным строем, маоистская группировка попыталась навязать коммунистическому движению курс на обострение международной напряженности.

На Московском совещании представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г. Мао Цзэ-дун предложил силой испробовать прочность позиций капитализма и призывал не останавливаться перед угрозой гибели сотен миллионов людей в случае ядерной войны. Делегация КПК на Московском совещании 1957 г. выступила против выводов XX съезда КПСС о возможности мирного пути развития революции. В 1960 г. Мао Цзэ-дун и его группа перешли к нападкам на политику мирного сосуществования, к пропаганде тезиса о неизбежности войны в открытой печати: в апреле 1960 г. позиция маоистского руководства была в развернутом виде изложена в сборнике статей «Да здравствует ленинизм».

Псевдореволюционная фразеология призывов к «решительной» борьбе против империализма, отрицание возможности мирного пути развития революции и мирного сосуществования маскировали шовинистические планы и замыслы. Вопреки жизненным интересам стран социализма и всего революционного движения Мао Цзэ-дун и его группа рассматривали обстановку балансирования «на грани войны» как наиболее благоприятное внешнее условие для ускоренного создания собственного мощного военного и экономического потенциала.

Для подведения экономической базы под гегемонист-

ские планы на международной арене Мао Цзэ-дун и его группа принялись осуществлять в 1958 г. политику «большого скачка». Одновременно в ходе «большого скачка» Мао Цзэ-дун и его группа намеревались продемонстрировать превосходство китайского опыта ускоренного строительства социализма: во внутривластной пропаганде темпы «скачка» откровенно противопоставлялись опыту СССР и других социалистических стран, Советский Союз назывался страной, «засидевшейся на этапе социализма».

Стремясь обострить международную обстановку, изобразить «революционное бесстрашие» и одновременно подхлестнуть «скачок» ссылками на угрозу войны, Мао Цзэ-дун и его группа устроили осенью 1958 г. шумную демонстрацию в районе Тайваньского пролива. Эта акция Пекина дала повод американскому командованию усилить группировку своих войск в районе Тайваня и привести их в боевую готовность.

Пытаясь заставить социалистические страны отказаться от политики мирного сосуществования, а также с целью отвлечь внимание китайского народа от наметившегося провала «большого скачка», руководство КПК осенью 1959 г. развязало вооруженный конфликт на китайско-индийской границе.

Это были первые попытки создать контролируемые из Пекина очаги напряженности, которые позволили бы Мао Цзэ-дуну манипулировать угрозой войны в интересах своей линии во внутренней и внешней политике КНР, воздействовать на международную ситуацию, особенно на взаимоотношения между Соединенными Штатами Америки и социалистическим лагерем, иметь в резерве позиции для политического торга с США.

Другими словами, китайские руководители добивались реализации своих внешнеполитических задач, не считаясь с интересами и безопасностью народов, с престижем социалистического лагеря.

Провал «скачка» и решительное осуждение огромным большинством братских партий на Московском совещании 1960 г. гегемонистских поползновений маоистской группировки означали крах расчетов Мао Цзэ-дуна и его группы на использование военно-экономического потенциала социалистических стран в интересах своей шовинистической политики.

С начала 60-х гг. Мао Цзэ-дун и его окружение избрали другую тактику. Новая программа борьбы за гегемонию была сформулирована в 1963 г. в написанном Мао Цзэ-дуном «Предложении о генеральной линии международного коммунистического движения».

Маоистская группировка стала на путь раскола коммунистического движения, на путь прямой политической борьбы против Советского Союза и других социалистических стран, открыто взяла курс на создание прокитайского блока. Особое место в новом тактическом плане занимала ставка на достижение гегемонии в национально-освободительном движении. Маоистская группировка надеялась изолировать национально-освободительное движение от социалистического лагеря и международного пролетариата, подчинить его своему диктату, сделать его основным орудием своей националистической политики.

Чтобы польстить националистически настроенным лидерам национально-освободительного движения, столкнуть их на свою платформу, Мао Цзэ-дун и его окружение пустили в ход тезис о так называемой «решающей роли» в мировом революционном процессе «мировой деревни», т. е. национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Откровенно ревизуя марксистско-ленинское учение о гегемонии пролетариата, Мао Цзэ-дун и его сторонники утверждают, что «деревня, и только деревня, является той революционной базой, откуда революционеры идут в поход на завоевание окончательной победы».

Не считаясь с конкретными условиями, Мао Цзэ-дун и его окружение попытались навязать всем отрядам национально-освободительного движения курс на вооруженную борьбу, утверждая, что во всех без исключения странах Азии, Африки и Латинской Америки существует «превосходная революционная ситуация». Как показал опыт последних лет, в частности так называемые события 30 сентября 1965 г. в Индонезии, попытки практически реализовать эти левооппортунистические взгляды в отдельных странах ставят коммунистические партии и народы перед серьезными трудностями, играют на руку империализму и внутренней реакции.

Этот набор псевдореволюционных установок под претенциозным названием «теории народной войны» изло-

жил в сентябре 1965 г. Линь Бяо в статье «Да здравствует победа народной войны!».

На словах развязывание силами национально-освободительных движений серии локальных войн рекламируется как путь «разгрома американского империализма» посредством «народной войны».

На деле же мелкобуржуазный революционаризм теории «народной войны» оборачивается махровым национализмом. Мао Цзэ-дун и его группа навязывают свои авантюристические концепции национально-освободительным силам для того, чтобы они вызвали на себя огонь американского империализма, сковали его силы в очагах напряженности и в военных конфликтах и, таким образом, дали китайским лидерам возможность в сравнительно безопасной обстановке и без затраты собственных сил и ресурсов добиваться от Соединенных Штатов удовлетворения своих претензий и признания себя в качестве равнозначной силы в мире. Сочетая такую политику с политикой антисоветизма, китайские лидеры думают создать новую основу для своих взаимоотношений с США задолго до того, как экономическое, научно-техническое и военное развитие страны заставит американских империалистов считаться с КНР как с глобальным фактором. Таким образом, и в национально-освободительном движении народов китайские лидеры видят лишь средство осуществления своей националистической политики.

Шовинистическое содержание, скрывающееся за ультрареволюционной оболочкой «теории народной войны», ясно раскрывается в подходе маоистской группировки к вьетнамской проблеме.

Пекинские руководители делают все от них зависящее, чтобы затянуть войну, развязанную американским империализмом против вьетнамского народа.

С одной стороны, они отказываются от единства антиимпериалистических действий социалистических стран, чинят помехи в транзите советских грузов, направляемых борющемуся вьетнамскому народу, и организуют провокации против советского персонала, следующего в братский Вьетнам через территорию КНР.

С другой стороны, они стремятся сорвать такое политическое разрешение вьетнамского конфликта, которое было бы в интересах вьетнамского народа, социалисти-

ческого содружества и дела мира во всем мире. Китайские руководители не поддерживали предложения правительства ДРВ об условиях начала переговоров с США по поводу политического урегулирования. Как отметил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный в своем выступлении перед избирателями 9 марта 1967 г., это означает, что группа Мао Цзэ-дуна против этого предложения и что, следовательно, ее замыслы в связи с войной во Вьетнаме не соответствуют взглядам правительства ДРВ.

Наблюдатели самых различных направлений уже давно подметили, что между КНР и США, несмотря на кажущуюся взаимную враждебность, сложилось по поводу Вьетнама своеобразное взаимопонимание.

Китайские и американские лидеры обменялись рядом публичных заявлений по поводу «нежелательности» прямого вооруженного столкновения между обеими странами из-за Вьетнама.

Мао Цзэ-дун в интервью американскому публицисту Сноу, опубликованном всей буржуазной печатью, недвусмысленно дал понять американцам, что Китай не намерен сражаться за пределами своей территории. Комментируя эту точку зрения, министр иностранных дел КНР в беседе с тем же Эдгаром Сноу разъяснил, что, по мнению Мао Цзэ-дуна, КНР получила достаточные заверения Дина Раска об отсутствии у американского правительства намерения распространить войну на Северный Вьетнам и что в связи с этим Китаю нет необходимости вступать в войну на стороне ДРВ. С другой стороны, министр обороны США Макнамара в одном из заявлений, опубликованных в прессе в 1966 г., говорил, что США предпринимали и будут предпринимать неустанные усилия — с помощью прямой и косвенной дипломатии, публично и конфиденциально, чтобы сообщить руководителям КНР, что «ограниченные» цели США во Вьетнаме не представляют для них никакой угрозы. Он призывал китайских лидеров прислушаться к этим заверениям и понять их.

Углубляя антисоветизм, отклоняя предложения о единстве действий и проводя политику раскола и диверсий в социалистическом лагере, группа Мао Цзэ-дуна фактически помогает американским империалистам осуществлять эскалацию войны в Юго-Восточной Азии.

Как уже говорилось, с начала 60-х гг. Мао Цзэ-дун и его группа толкают страну на пагубный путь самоизоляции от социалистического лагеря и усиления зависимости Китая от капиталистического рынка. Резко сокращены все виды связей и контактов КНР с социалистическими странами, особенно контакты между КПК и марксистско-ленинскими партиями. Китайские лидеры не только ограждают свой народ от влияния наиболее прогрессивных социальных сил, но и лишают его преимуществ общего поступательного движения к социализму и коммунизму.

Для оправдания политики сближения с монополистической буржуазией маоистская группировка активизировала пропаганду так называемой теории «промежуточных зон».

В прямом противоречии с ленинской теорией империализма, эта «теория» утверждает, что политика монополистической буржуазии всех стран, кроме США, якобы утратила империалистический характер. Межимпериалистические противоречия, попытки монополистической буржуазии некоторых стран сохранить свои позиции в конкурентной борьбе с монополиями США маоистская группировка представляет как некое проявление «антиимпериализма».

Такая, с позволения сказать, «теория» нужна пекинским лидерам для того, чтобы использовать в интересах своей шовинистической позиции самые темные планы империалистических государств. Мао Цзэ-дун и его окружение выступили в поддержку реваншистских территориальных притязаний монополистической буржуазии Японии и ФРГ в отношении социалистических стран. В вопросах нераспространения ядерного оружия и запрещения его испытаний они фактически сомкнулись с наиболее реакционными кругами монополистической буржуазии, сторонниками гонки вооружений, подготовки ядерной войны.

Проводя политику сближения с монополистической буржуазией, Мао Цзэ-дун и его сторонники с 1963 г. развернули открытую, беспрецедентную по своему размаху раскольническую деятельность в международном рабочем движении, не останавливаясь перед подкупом, вербовкой различного рода ренегатов и отщепенцев.

Используя давление, широкую финансовую поддержку, идеологическую обработку, маоистам удалось в 1963—1964 гг. столкнуть на свою платформу часть руководства некоторых коммунистических и рабочих партий, внести раскол в их ряды. В ряде стран китайские лидеры организовали небольшие, лишенные массовой базы, но шумные группки, включающие главным образом представителей студенчества и мелкобуржуазной интеллигенции. Для ведения раскольнической деятельности используются дипломатические представительства за рубежом, китайская эмиграция, различного рода делегации.

Средства, получаемые в виде обратимой валюты от китайской эмиграции, валюту, поступающую из Гонконга и Макао, китайские руководители используют для финансирования изданий, пропагандирующих их особую линию в странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Широкую раскольническую кампанию развернули китайские руководители в международных демократических организациях. Представители КНР в этих организациях провозглашают откровенно расистские лозунги типа «Азия для азиатов», пытаются вбить клин между белыми и «цветными» народами, используют введенное в практику империалистами и расистами противопоставление Востока Западу. «Азия является самым большим континентом,— заявил Мао Цзэ-дун в беседе с делегацией палестинских арабов,— Запад намерен продолжать выступать в роли эксплуататора Азии. Запад не любит нас, и мы должны признать этот факт... Поэтому вы, арабы, должны бойкотировать также всех представителей Запада, Европы и Америки».

В 1963—1965 гг. маоистское руководство активизировало попытки подчинить своему влиянию движение афро-азиатской солидарности, муссировало идею о создании новой организации — «революционной ООН» из числа стран Азии и Африки.

На всех этапах борьбы за собственную гегемонию маоистская группировка главный удар направляла против СССР. В Советском Союзе, в КПСС, их авторитете и влиянии на международной арене Мао Цзэ-дун и его окружение видели основные препятствия на пути осуществления своих гегемонистских планов. «Надо бить по голове, остальное само развалится»,— откровенно сформулировал цель антисоветской политики Мао Цзэ-дун.

В решениях XI пленума ЦК КПК прямо указано, что публикация серии антисоветских, грубо клеветнических статей в 1963—1965 гг., вся антисоветская кампания, открыто развернутая в КНР с 1963 г., проходила под непосредственным руководством Мао Цзэ-дуна. Внутри страны грубые нападки и клевету на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза и других социалистических стран Мао Цзэ-дун и его окружение стремились использовать для насаждения маоистских установок, для того чтобы представить сторонников дружбы с СССР, всех, кто стремился изучать и применять передовой опыт строительства социализма, как агентуру «современного ревизионизма». Враждебная политика в отношении Советского Союза, таким образом, давно стала органической частью курса Мао Цзэ-дуна и его группы.

К концу 1965 г. ясно обнаружился полный провал всех планов Мао Цзэ-дуна и его окружения навязать свою гегемонию различным силам мирового революционного движения, в том числе и попытки подчинить своему влиянию национально-освободительное движение. Это выразилось в серьезных внешнеполитических провалах, которые в сильнейшей степени способствовали разоблачению шовинистической сущности политики Мао Цзэ-дуна и его группы и поставили КНР на грань внешнеполитической изоляции.

Большинство правительств стран Азии и Африки отказались поддержать линию Мао Цзэ-дуна на изоляцию афро-азиатских народов от социалистического лагеря, его попытки использовать расовый мотив для консолидации антисоветских сил.

Плачевные результаты дала пекинским лидерам широко разрекламированная поездка Чжоу Энь-лая по странам Африки в 1964 г. Лидеры освободившихся народов африканского континента вежливо принимали гостя, но его попытка предложить КНР в качестве примера социально-экономического развития и источника помощи африканским народам оказалась попыткой с негодными средствами. У всех еще были свежи в памяти провалы «большого скачка» и народных коммун в Китае; африканские лидеры с законным скептицизмом отнеслись и к возможности КНР оказать развивающимся странам Африки широкую квалифицированную экономическую и научно-техническую помощь. Отрицательное отношение

лидеров афро-азиатских стран к проведению Второй афро-азиатской конференции в Алжире (1965 г.) на поставленных китайским правительством условиях (без участия Советского Союза) показало иллюзорность расчетов группы Мао Цзэ-дуна на лидерство в этой группе государств.

На Первой конференции стран Азии, Африки и Латинской Америки, проходившей в Гаване в январе 1966 г., были решительно отвергнуты домогательства китайских лидеров на ведущую роль в движении солидарности трех континентов.

В самое последнее время на сессии Совета Организации солидарности народов Азии и Африки в Никозии (1967 г.) китайская делегация вновь оказалась в изоляции. Три делегации из 52, участвовавших в сессии, поддержали пекинскую линию, но, боясь разоблачения и всеобщего осуждения, тайком покинули сессию. Совет, отвергая гегемонистские претензии китайских лидеров, отменил свое постановление о проведении Пятой конференции афро-азиатской солидарности в Пекине и решил созвать ее в Алжире.

Падению престижа КНР в Африке способствовала заговорщическая тактика китайских лидеров, их попытка подтолкнуть народы континента на путь вооруженных авантур. Империалистические политики немедленно воспользовались этим для дискредитации социализма, которому они пытаются приписать пороки мелкобуржуазной платформы Мао Цзэ-дуна и его группы. В последние годы три африканские страны (Дагомея, Центрально-африканская Республика и Бурунди) разорвали дипломатические отношения с КНР.

Сокрушительным провалом окончились попытки китайских лидеров создать новые очаги напряженности в странах Азии и Африки и, в частности, попытка вмешаться в индо-пакистанский конфликт, помешать его политическому урегулированию. Позиция в индо-пакистанском конфликте продемонстрировала всему миру шовинизм и авантюризм китайского руководства, способствовала падению его престижа.

Внешнеполитические провалы, равно как и провалы внутренней политики, сделали очевидной несостоятельность идейно-теоретической платформы Мао Цзэ-дуна. Тактика раскола революционных сил, примененная Мао

Цзэ-дуном в борьбе за гегемонию, принесла прямо противоположные результаты, подрывав авторитет китайского руководства и сузив круг его сторонников на мировой арене. Критика маоистской платформы, антисоветского курса группировки Мао Цзэ-дуна в международном коммунистическом движении активизировала сопротивление авантюристической политике со стороны здоровых сил внутри страны.

Наступление на партию в ходе «культурной революции», выбор момента наступления в значительной мере были определены стремлением Мао Цзэ-дуна и его группы предотвратить дальнейший рост оппозиции, создать условия для беспрепятственного осуществления своих гегемонистских планов.

«Культурная революция» показала еще более откровенно, чем прежние акции, что антисоветизм стал неотъемлемой частью мелкобуржуазно-националистического курса Мао Цзэ-дуна во внутренней и внешней политике.

Антисоветизм внутри страны необходим группе Мао Цзэ-дуна для того, чтобы оградить китайский народ от влияния международного пролетариата. Антисоветизм — это новая «китайская стена», которую пекинские шовинисты хотели бы воздвигнуть между китайским народом и социализмом, чтобы беспрепятственно осуществлять свои мелкобуржуазные авантюры.

В антисоветизме Мао Цзэ-дун и его группа видят средство создать в стране обстановку «окружения» и даже новой внешней опасности, оправдать «необходимость» военной диктатуры и милитаризации жизни, создать благоприятные условия для подавления оппозиции. В клевете на Советский Союз они видят средство свалить свою вину за провалы во внутренней и внешней политике с большой головы на здоровую.

В антисоветизме Мао Цзэ-дун и его группа видят на международной арене политическую платформу для блокирования с различными антисоциалистическими силами — от ренегатов коммунистического движения до антисоветских сил в лагере монополистической буржуазии.

Именно в этом значение грубой антисоветской кампании, ведущейся в ходе «культурной революции».

Накал антисоветизма в ходе «культурной революции» связан с попытками маоистской группировки нащупать новый тактический план борьбы за гегемонию.

Утратив надежду поставить на службу своим гегемонистским устремлениям лагерь социализма, подчинить целям своей внешней политики национально-освободительное движение, Мао Цзэ-дун и его группа делают теперь ставку на противоречия между социализмом и империализмом, на столкновение Соединенных Штатов с Советским Союзом, надеясь, в случае возникновения этого конфликта, остаться в стороне и подняться затем над странами, обессиленными в термоядерной войне.

Культивирование вражды к Советскому Союзу и другим социалистическим странам, втягивание в антисоветские провокации китайской молодежи, разжигание шовинистических настроений путем выдвижения абсурдных обвинений Советского Союза в покушениях на территориальную целостность Китая, кампания лжи и клеветы на партию Ленина, вся антисоветская политика Мао Цзэ-дуна и его группы являются важным политическим авансом империализму, особенно правящим кругам США.

Факты показывают, что старательно демонстрируемый на словах «антиамериканизм» Мао Цзэ-дуна и его группы на деле утратил антиимпериалистическое содержание и выродился в средство использования антиимпериалистических требований народов Китая и всего мира в интересах шовинистической политики Пекина.

Ультрареволюционная фразеология, льющаяся из Пекина, не мешает идеологам империализма усматривать в антисоветском курсе Мао Цзэ-дуна и его группы проявление национализма, в котором они в свою очередь видят новую основу для взаимоотношений с Китаем. Американские буржуазные специалисты приходят к выводу, что, с точки зрения Запада, успех Мао Цзэ-дуна в «культурной революции» был бы предпочтителен и что было бы ошибкой считать группировку Мао Цзэ-дуна «воинственной» по отношению к Западу. Растущая враждебность Мао Цзэ-дуна и его группы к Советскому Союзу служит для американских лидеров индикатором китайского национализма, который, с их точки зрения, куда лучше, чем последовательный антиимпериализм Советского Союза и других социалистических стран.

Современные великокитайские шовинисты — группа Мао Цзэ-дуна — пытаются спекулировать на шовинистических устремлениях агрессивных кругов США к мировому господству, на их антисоветских позициях. Между

шовинистами может возникнуть конфликт, но столь же вероятен и союз между ними против третьей силы, в которой они видят препятствие на пути к осуществлению своих планов. Такой силой является Советский Союз, мировая система социализма в целом. Антисоветский курс Пекина пробуждает у американских лидеров надежды на новую, выгодную для США, расстановку сил в мире.

Одна из главных задач «культурной революции» состоит в том, чтобы ликвидировать предшествующий внешнеполитический курс, который складывался под влиянием идей научного социализма и пролетарского интернационализма, расчистить пути для политического блока с силами антикоммунизма.

Декабрьский (1966 г.) Пленум ЦК КПСС в постановлении «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения» подчеркнул, что великодержавная, антисоветская политика Мао Цзэ-дуна и его группы вступила в новую опасную фазу. «Курс, который нынешние руководители КПК проводят на международной арене,— говорится в постановлении,— их политика по отношению к социалистическим странам; враждебная кампания против нашей партии и советского народа и раскольнические действия в международном коммунистическом движении — все это не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Такая политика, такие действия наносят ущерб интересам социализма, международного рабочего и освободительного движения, социалистическим завоеваниям самого китайского народа и объективно оказывают помощь империализму».

В то же время ЦК КПСС вновь со всей ясностью заявил, что Коммунистическая партия Советского Союза твердо стоит на позициях дружбы с великим китайским народом, с Коммунистической партией Китая. Советские коммунисты, весь советский народ всегда питали и питают чувство искренней дружбы и глубокого уважения к народу Китая, хранят традиции интернациональных связей, сложившихся между народами Советского Союза и Китая за долгие годы совместной борьбы. Советские коммунисты, все советские люди уверены в том, что рано или поздно здоровые силы в КПК одержат верх и КПК вновь займет в рядах мирового коммунистического движения подобающее ей место.

Анализ событий в Китае показывает, что «культурная революция» по своим целям и социально-политическому содержанию представляет собой попытку мелкобуржуазно-националистической группировки Мао Цзэ-дун совершить реакционный переворот силами части непролетарских слоев, главным образом учащейся молодежи, политически отсталых элементов и армии.

Разгром партии, органов народной власти, общественных организаций трудящихся Китая, удар по интеллигенции, по культуре и науке, ставка на подмену марксизма-ленинизма «идеями Мао Цзэ-дуна» свидетельствуют о том, что Мао Цзэ-дун и его группа стремятся ликвидировать социалистические элементы в надстройке КНР, сложившейся за годы народной власти.

Курс на установление военно-бюрократической диктатуры, на военизацию всех областей жизни страны, наступление на жизненные интересы трудящихся, нагнетание обстановки культа личности Мао Цзэ-дуна, обработка населения в духе шовинизма и антисоветизма говорят о том, что Мао Цзэ-дун и его группа рассчитывают в ходе «культурной революции» создать необходимые, с их точки зрения, идейно-политические условия для осуществления своих мелкобуржуазно-националистических установок и гегемонистских претензий.

Нынешние события в Китае — трагедия китайского народа. Дело не только в личной трагедии тысяч китайских коммунистов — ветеранов революционной борьбы, патриотов Китая, тысяч рабочих, крестьян и интеллигентов, ставших жертвами террора, развязанного маоистской группировкой. События эти приобретают злобещий смысл потому, что «культурная революция», планы которой осуществляют Мао Цзэ-дун и его группа, ставит под угрозу социалистические завоевания китайского народа, отдаляют перспективу развития Китая по социалистическому пути.

Курс во внутренней и внешней политике, который, вопреки воле коммунистической партии и народа Китая, пытается утвердить маоистская группировка, это, по сути, прежний, обанкротившийся, авантюристический курс. Понятно, что «новый порядок», который пытаются насадить Мао Цзэ-дун и его группа, может принести ки-

тайскому народу только консервацию экономической и культурной отсталости, тяжелые материальные лишения, вновь, как в годы «большого скачка», отбросить Китай на десятилетия назад.

Попытки Мао Цзэ-дуна и его группы поставить всю жизнь страны на службу своим гегемонистским устремлениям не только отдаляют перспективу социалистического строительства в Китае. Отказ от воспитания масс в духе интернационализма, разжигание шовинистических и антисоветских настроений свидетельствуют о том, что Мао Цзэ-дун и его группа готовят почву для новых, еще более опасных внешнеполитических авантур, способных обернуться новыми тяжелыми лишениями для китайского народа.

Ставка на раскол мирового коммунистического движения, на дальнейшую самоизоляцию от социалистического лагеря, отказ от единства действий с основными силами мирового революционного движения, откровенно провозглашенные в качестве официального курса маоистской группировки в решениях XI пленума ЦК КПК, ведут к подрыву престижа и положения КНР на международной арене, ослабляют позиции китайского народа перед лицом империализма, наносят урон общему делу антиимпериалистической борьбы.

Тот тяжелый ущерб, который уже нанесла Китаю «культурная революция», последствия, которыми чревато дальнейшее осуществление маоистской платформы,—серьезный урок для всего революционного движения.

События в Китае наглядно демонстрируют, какую опасность таит отказ от принципов научного социализма, от принципов социалистической демократии, пренебрежение проверенным жизнью опытом социалистического строительства в СССР и других социалистических странах, нежелание прислушаться к дружеским советам и предостережениям братских партий.

КПСС и другие марксистско-ленинские партии всегда учитывали сложный и специфический характер развития КПК, как партии, возникшей и борющейся в полуколониальной стране с огромным преобладанием мелкобуржуазных масс.

Свою всестороннюю помощь китайской революции, КПК и КНР марксисты-ленинцы всегда рассматривали как интернациональный вклад в дело борьбы китайского

народа, китайского рабочего класса за ликвидацию всех видов угнетения, как фактор, способствующий росту и усилению влияния в КПК и в ее руководстве сил, ориентирующихся на научный социализм.

С конца 50-х гг., когда обозначилось стремление маоистской группировки навязать партии и всей стране свою собственную линию, противопоставить свои установки согласованной линии марксистско-ленинских партий, передовому опыту социалистического строительства, КПСС и другие братские партии неоднократно в товарищеской форме обращали внимание руководителей КПК на серьезные последствия, которыми чревато проведение маоистского курса.

Нынешний поворот событий в Китае не может не вызывать серьезной тревоги у всех марксистско-ленинских партий, всех друзей Китая и китайского народа. Марксистско-ленинские партии единодушно квалифицируют курс Мао Цзэ-дуна и его группы как разрыв с марксизмом-ленинизмом, как измену делу социализма, пролетарского интернационализма. В заявлениях и решениях руководящих органов марксистско-ленинских партий подчеркивается, что позорные антисоветские акции маоистской группировки, отказ от единства действий в поддержку борьбы народа Вьетнама подрывают единый антиимпериалистический фронт, дискредитируют идеалы социализма.

Свою принципиальную и конструктивную критику политики Мао Цзэ-дуна и его группы КПСС и другие марксистско-ленинские партии рассматривают как интернациональную поддержку здоровых сил в КПК, китайских трудящихся в их борьбе за построение социализма в Китае.

8 коп.

